

Государственный мемориальный
историко-литературный
и природно-ландшафтный
музей-заповедник А.С.Пушкина
«Михайловское»

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 5

ТРИГОРСКИЙ СБОРНИК

Государственный мемориальный
историко-литературный
и природно-ландшафтный
музей-заповедник А.С.Пушкина
«Михайловское»

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 5

ТРИГОРСКИЙ СБОРНИК

1998 год

СОДЕРЖАНИЕ

Гейченко С. С.	
В садах Тригорского	5
Давыдов А. И.	
Историческое обоснование для перспективного развития Тригорского	10
Агальцова В. А.	
Основные положения проекта восстановления и реконструкции парка Тригорское	15
Бирюков Ю. Б.	
Итоги археологического исследования построек усадьбы Тригорское	19
Будылин И. Т.	
Музей и жизнь (по документам 1942-1997 гг.)	25
Бурченкова Р. В.	
Документы рассказывают... ..	41
Васильев М. Е.	
Последняя из современных Пушкину обитательниц Тригорского	43
Никифоров В. Г.	
Сельцо Батово - Елизаветино и его обитатели (к родословным связям Тригорского)	47
Лобанова Э. Ф.	
“Я был свидетелем златой твоей весны...” (А. С. Пушкин и Анна Вульф)	60
Левкова Л. В.	
Новый автограф П. А. Осиповой	74
Новиков Н. С.	
Летопись Тригорского без легенд по рукописям священнослужителей и обитателей усадьбы из новых архивных находок	76
Вревская Н. П.	
Е. Н. Вревская и Б. А. Вревский в Голубово (отрывок из дневника)	91
Сведения об авторах	96

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Историко-краеведческая

1. **Анненков П. В.** Материал для биографии Пушкина. М., 1984.
2. **Бозырев В. С.** По Пушкинскому заповеднику. Л., 1979.
3. **Будылин И. Т.** Золотая точка России. М., 1995.
4. **Гейченко С. С.** Мир и сон Тригорских нив. // Паломники Отечества. 2 (4). М., 1986.
5. **Гордин А. М.** Губерния псковская // А. М. Гордин. Пушкин в Псковском крае. М., 1970.
6. Друзья поэта. М., 1984. Т II.
7. **Лобанова Э. Ф.** Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских // сб. "Усадьба в русской культуре XIX- нач. XX в. М., 1996
8. **Семевский М. И.** Прогулка в Тригорское. // Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994. Т.I.
9. **Черейский Л.** Пушкин и его окружение. Л., 1989.

II. По вопросам реставрации и развития музея

1. **Агальцова В. А.** Сохранение мемориальных садов и парков. М., 1980.
2. **Василевич Г. Н.** Предпосылки развития Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина "Михайловское" (К вопросу о сохранении уникальной территории) // сб. "Михайловская пушкиниана" М., вып. 1, 1996.
3. **Гейченко С. С.** Принципы построения мемориального Пушкинского музея. (Из архива Пушкинского заповедника. Вст. ст. Будылина И. Т.) // Псковская правда, 22.08.1996

В САДАХ ТРИГОРСКОГО

С. С. Гейченко

Приют, сияньем муз одетый...
Пушкин

Прекрасен Пушкин прочитанный. Но Пушкин, узнанный в рощах, парках и усадьбах Михайловского и Тригорского, становится для нас еще богаче. Кто, проходя по аллеям и дорожкам заповедных парков, не вспоминает его стихи, письма, разговоры с друзьями, протянувшими ему руку помощи и сочувствия в тягостные для него годы ссылки? Глаза наши всматриваются в каждую тропинку, деревце, камень, мы вслушиваемся в птичий гомон, шепот ветра и ищем в них ответа: как же это было при нем?

Мир Тригорского-это три его былинных горы, его райские кущи, это веселый дом Осиповых-Вульф. Не ищите в Тригорском того, что видели в Михайловском. Их нельзя сравнивать. Там все иначе, и Пушкин совсем другой. В Михайловском Пушкин - человек, гонимый судьбою, анахорет, поэт, пророк. Суровые сосны и ели старого бора вечно шумят об этом.

В Тригорском Пушкин - просто отлично добрый человек, балагур и весельчак, забавник и ухажер, «гуляка праздный»... Здесь все и всегда радостно, и в природе парка всегда слышится веселая песня, и в ней «без конца и без краю весна».

Не будь у Пушкина Тригорского, не горел бы спокойно огонь на алтаре поэта. Вся деревенская жизнь его была бы другой. Все было бы в ней иначе, и не только его судьба,

но и судьба Онегина, Татьяны, Ленского, быть может, была бы другой.

После жизни Пушкина многое здесь переменялось. Таков непреложный закон бытия. И как бы мы ни пытались сказать времени: «Остановись», оно летит, все увлекая с собой. Маленькая, кокетливая березка в Тригорском стала ныне старым, дряхлым деревом, юные когда-то липы «аллеи Керн» в Михайловском превратились в инвалидов, на стволах их душегрейки из моха и лишайника; одни стоят на подпорках-костылях, другие привалились друг к другу. Поредела Ганибаловская еловая аллея. Канули в Лету «ель-шатер» и «береза-седло». Время унесло многое, воспетое Пушкиным. Произошла и смена пород деревьев. Там, где шумели березовые и липовые рощи и цвели кусты «боярышника, теперь разросся ельник, осина, ольшаник. Где цвели каштаны, теперь луговые травы. Многое изменилось.

Тригорский парк был заложен Вындомским, дедом П. А. Осиповой, еще в конце XVIII века. Хозяин следовал тогдашней моде - разбил романтический парк, с наивными украшениями, кокетливыми беседками, зелеными залами и коридорами, мостиками «поцелуев и вздохов». Тут и там блестели серебром зеркала прудов. Звенели запруженные ручьи. Тут были и дубовые «перспективы» и сосновые рощи, каштановые куртины и фруктовые сады с цветочными рабатками, клумбамй, хитроумными беседками. Все это требовало больших затрат и неустанной заботы. И пока был жив богатый Вындомский, все так и было. При его наследнице П. А. Осиповой парк начал оскудевать, а после ее смерти, в конце XIX века, и вовсе захирел.

Вторая жизнь этого красивейшего места началась лишь в наше время, когда Тригорское стало заповедным и его стали изучать и восстанавливать. Восстановление парка - дело очень трудное, потому что парк - художественное произведение, произведение исключительно многогранное: в нем прошлое и настоящее, старое и молодое, живое и мертвое, вечность и мгновение. Парк-это архитектура и ботаника, живопись и скульптура, история и сегодняшний день.

Не имея хорошо разработанного проекта и не зная истории памятников, восстановители Тригорского в тридцатых годах нашего века сделали немало досадных погрешностей. Ошибочно полагая, что культура конского каштана в северо-западных парках явление не XVIII-XIX веков, а более позднее, удалили все каштаны из Тригорского и с могильного холма Святогорского монастыря. По этой же причине почти всюду были уничтожены кусты боярышника. В Михайловском

была засеяна сосновым лесом пашня. В той части пашни, которая прилегала к усадьбе, был разбит фруктовый сад, ягодник и питомник. Был разведен питомник и в центре Тригорского парка.

Настоящая научная реставрация парков началась лишь в наше время. Несколько лет назад Министерство культуры РСФСР направило в заповедник творческую группу московских специалистов-парковедов, для того чтобы тщательно изучить его парки, их планировку, состав зеленых насаждений, произвести всесторонний анализ почвы, инструментальную датировку деревьев, выявить аналоги парков. В итоге работы появился проект реконструкции парковых ансамблей, их оздоровления и ухода за деревьями. Работа дала интересные результаты. Удалось установить возраст не только мемориальных сосен, лип, кленов, но и декоративного кустарника, сирени, акации, лещины. Они уже достигли двухсотлетнего возраста.

Особенно интересны итоги работы по изучению западной части Тригорского парка-участка солнечных часов и «дуба уединенного». Парковед К. Бобровникова доказала, что оба эти памятника некогда представляли единое целое. Местоположение «дуба уединенного» и дубов, стоящих вокруг «циферблата» зеленых часов, находится во взаимосвязи. Аллея, связывающая два этих элемента, лежит строго по Пулковскому меридиану. От циферблата во все стороны некогда шли небольшие аллеи-стрелы, показывающие восход солнца, полдень, заход солнца и ночь. Как известно, культура солнечных часов в нашей стране очень древняя. Простейшие из них состоят из шеста, тень которого, менявшая свое направление при перемещении солнца, показывала на шкале время. Солнечные часы Тригорского уникальные. Специалистов удивляет точность их планировки и построения.

Проект восстановления тригорских солнечных часов закончен. Недалеко время, когда они появятся в своем первоизданном виде.

Сад - неотъемлемая часть усадеб XVIII-XIX веков. Так было повсеместно. Так было и в Тригорском.

В 1970 году сад разбит на том месте, где был прежде. С одной стороны он примыкает к месту, где когда-то стоял хозяйственный двор, с другой-граничит с центром усадьбы и парка. В саду воссозданы старинные русские сорта яблонь: антоновка, ревельский ранет, китайка, осеннее полосатое и другие. Сад огорожен декоративным кустарником и деревянным штакетником, сделанным в духе пушкинского времени. В нем на камнях старых фундаментов построены беседки, разбиты клумбы, расчищены водоемы-«копанки» для поливки. Вос-

становлению сада очень помогли старинные фотографии, которые прислала из города Горького родственница последнего арендатора Тригорского М. Пальмова.

Много хлопот было с восстановлением «скамьи Онегина». Площадка над Соротью, где расположена «скамья», сползает под обрыв. Было установлено, что площадка сползает ежегодно на 1,5-2 см. Древние дубы и липы гибли. Для того, чтобы предупредить полное разрушение, площадку нужно было оградить со стороны парка, поднять и дренировать, укрепить откос. Лишь при этом возобновится почвенный покров площадки, шейки старых деревьев будут освобождены от уплотнения грунта, и деревья смогут дышать.

Кроме того, в парке начато лечение больных деревьев, особенно тех, которые пострадали в годы Великой Отечественной войны. Таких деревьев насчитывается свыше тысячи, то есть почти четверть всего старого древостоя Тригорского.

Впереди многолетняя, нелегкая, но благодарная работа. Она даст возможность оздоровить парковые ансамбли, возродить их первоначальный вид.

Когда-то Пушкин, работая над книгой философа Бэкона, сделал из нее выписку: «Достойна уважения вещь видеть древний замок либо постройку не в упадке, или видеть прекрасное дерево крепким и целым». Эта мысль, подчеркнутая поэтом, положена нами в основу реставрации заповедных парков и зеленых насаждений.

Показать и увидеть все в Тригорском невозможно, и рассказать обо всем в нем тоже невозможно. Ведь каждый уголок, дерево, куст, тупичок имеют свое лицо, и оно, это лицо, заслуживает особого повествования. Я хочу лишь внушить паломникам свою любовь к пушкинскому лукоморью.

Прощаясь с паломниками, я всегда говорю: «А теперь станьте как дети, сядьте верхом на палочку и отправляйтесь куда глаза глядят. Бродите по тропинкам и дорожкам, куда бы они вас ни вели. Доверьтесь своему инстинкту, если вы пришли сюда по велению сердца, а не по обязанности. Крепко держите в руках томик стихов Пушкина, написанных здесь, и читайте их здесь, где они были рождены. Только так можно узнать великое и таинственное пушкинское лукоморье, только так вы сможете встретиться с Пушкиным, которого жаждет ваша душа. Я дал вам только отправное, без него вы могли бы здесь растеряться. От вас самих зависит создать свое пушкинское лукоморье, без этого все у вас будет напрасным. И еще. Я не могу себе представить,

чтобы человек, побывавший в Тригорском, . не изменился в каком-то хорошем отношении, хотя бы только благодаря сознанию того, что все увиденное им здесь во всем своем величии - *неповторимо*.

(Из книги Гейченко С. С. «У Лукоморья». Л., 1981)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ТРИГОРСКОГО

Давыдов А. И.

Тригорское.

Краткая историческая справка.

Имение Тригорское возникло в 18 веке, когда императрица Екатерина II пожаловала в 1762 г. генерал-майору М. Д. Вындомскому в Псковском наместничестве Егорьевскую губу с центром в с. Егорьевском, с тех пор называемом Тригорским.

При сыне и наследнике первого владельца А. М. Вындомского в Тригорском заводит-ся от казны полотняная фабрика, возникает довольно большой винокуренный завод, благоустраивается сама усадьба, разбивается парк.

С 1813 г. владелица Тригорского его дочь, Прасковья Александровна Вульф, по второму мужу Осипова. С ней и ее многочисленным семейством был дружен А. С. Пушкин, посвятивший всем обитателям Тригорского стихи. Тригорские реалии использованы поэтом в работе над романом "Евгений Онегин".

В первые свои приезды 1817-1819 гг. он был принят в барском доме Вындомских, стоявшем в парке с видом на долину р. Сороти. Однако с 1820 г. дом этот был нежилым, он стоял в ожидании ремонта. Так и не дождавшись его, сгорел от случайного пожара в сер. 50-х годов прошлого века. Сколько-нибудь достоверных изображений и воспоминаний о нем не существует.

Ссылный Пушкин был постоянным гостем “тригорского замка” - так поэт называл жилище своих друзей, переделанной из пустовавшей полотняной фабрики. Бывшее здание фабрики было превращено в жилой дом и украшено пристройкой к нему 2-х крылец с колоннами, которые придавали ему традиционный барский облик.

Воспетый Пушкиным, как “приют сияньем муз одетый”, он в феврале 1918 г. был сожжен местными крестьянами как “дворянское гнездо”.

По многочисленным изображениям дом был восстановлен в 1962 г. (арх. В. П. Смирнов). В нем был открыт музей. Этот господский дом находился в общем ряду построек с. Тригорского, исчезнувших тоже во время революции. Из этих построек в 1981 году восстановлены вблизи господского дома два флигеля - кухня и людская, в которых музейной экспозиции нет, а размещены служебные помещения; тогда же восстановлен возле кухни и погреб.

Никаких старых планов и карт усадьбы не сохранилось, но очевидно, что первоначально хозяйственная часть усадьбы отделялась от парадной прудом, за которым и располагается первый господский дом Вындомских с окружающими его службами (из них в 1978 году восстановлен флигель “Банька” с литературно-мемориальной и этнографической экспозицией).

Тригорский парк был разбит в XVIII веке в английском, пейзажном стиле. Площадь парка с садом, возобновленным в 1970-71 годах, составляет 37,6 гектара. Преобладающими породами деревьев в тригорском парке были липа, дубы, сосны, клены и затем ели. Имелись редкие в этих широтах деревья - лиственница, пирамидальный тополь, ясень.

Многие уголки своего парка Осиповы связывали с Пушкиным, с его произведениями, с его отношениями к ним, к Тригорскому и даже с его смертью. Это: скамья Онегина; горка; зеленый зал, возле которого барбарисовый куст; за банькой, в которой Пушкин нередко ночевал, место под рябинами; слева от главной аллеи ель-шатер; а в конце аллеи береза-седло; еще одна аллея была ими названа аллеей Татьяны. На юге от солнечных часов до сих пор растет “дуб уединенный”, который связывают со стихотворением “Брожу ли я вдоль улиц шумных...” На берегу нижнего пруда росла любимая пушкинская береза, погибшая в год его смерти. Эти места являются достопримечательностями парка, подлежащими осмотру, и за ними осуществляется некоторый уход. В остальной своей части парк заглох, представляя собой естественно возобновляемые заросли деревьев и кустарников, но состав пород во многом изменился.

Реставрационно-восстановительные работы.

1. Осуществление надлежащего надзора и контроля за состоянием ландшафтов, просматриваемых с тригорского холма, с разных видовых площадок.
2. Ликвидировать, т. е. перенести в другое место спасательные и лодочные станции, которые сейчас попадают в поле зрения посетителей Тригорского.
3. Прекратить выемки грунта из носовского карьера, который нарушает мемориальный облик пейзажа. Задекорировать эти обнаженные обрывы с помощью ученых почвоведов и лесоустроителей, чтобы восстановить исторический облик пейзажа, открывающегося от площадки со “скамьи Онегина”.
4. Заменить подведенную к дому-музею без всяких исторических обоснований асфальтированную дорогу на дорогу с каким-либо иным твердым покрытием (булыжник, бут, щебень и т. п.) на участке от поворота на деревню Глазки до дома-музея.
5. Осуществить капитальный ремонт на реставрационном уровне дома-музея, т. к. с 1962 г. производились только текущие и косметические ремонты.
6. Заменить существующую в настоящее время малоэффективную и ненадежную калориферную систему отопления на систему водяного отопления с котельной, которую можно разместить во флигеле “Кухня”.
7. Реставрация драночной кровли дома-музея.
8. Электрификация флигелей “Людская” и “Банька”.
9. Сигнализация флигеля “Банька”, в целях сохранности музейной экспозиции.
10. Капитальный ремонт на реставрационном уровне объектов малых архитектурных форм:
 - мостиков (3-х) в парке;
 - лестниц в парке, на скатах холма;
 - двух садовых беседок в стиле пушкинского времени;
 - оград вокруг сада и усадьбы; вокруг “дуба” и “ели-шатра”;
 - реконструировать ограждения у площадки со “скамьей Онегина” и “Зеленой беседки” в соответствии с аналогами;
 - восстановить парковые скамьи и диваны.
11. Месторасположение Тригорского представляет собой возвышенность, пересекаемую несколькими оврагами, через которые происходит сток талых и дождевых вод в реку Сороть. К тому же преимущественно глинистый грунт возвышенности, создание на ней

искусственных прудов, наличие крутых склонов оврагов и берега реки - ставят первоочередной задачей создание тщательно продуманной системы дренирования в парке. Это и было выполнено в XVIII веке Вындомскими и в еще хорошем состоянии поддерживалось в XIX веке, как то можно судить в настоящее время по остаткам этой системы. Ныне дренажные канавы заплыли и заросли, направление сточных вод нерегулируемо, плотины приходят в негодность, склоны и площадки размываются и происходят оползни, а на отдельных участках идет интенсивное заболачивание почвы, так что на них появятся сорная растительность, а прежняя погибает (так в северной части сада от высоких вод погибла почти половина плодовых деревьев).

12. В силу вышеуказанного необходимо поднять высотный уровень площадки со скамьей Онегина, соорудив соответствующие водоотводные лотки.
13. Капитальный ремонт на реставрационном уровне плотины у пруда перед домом-музеем.
14. Произвести гравийное покрытие дорожек, аллей и площадок (особенно у “дуба уединенного” и “ели-шатра”).
15. Реставрировать площадку “солнечных часов”, выравнить ее дернованием.
16. Реставрация и расчистка мелиоративных канав.
17. Реставрация и очистка прудов и их берегов, которые заросли сорной черной ольхой.
18. Произвести уборку от сорной растительности и падающих в воду деревьев берега реки Сороти.
19. Укрепление склонов оврагов, в связи с оползнями, прежде всего оврага восточнее дома-музея, правый склон которого год от году все сильнее подмывается, так что требуется перенесение отсюда туалета.

Реставрационно-восстановительные работы в парке.

1. Восстановление мемориальных посадок по рекомендациям “Лес-проекта”: березы-седла, дубового ряда вдоль аллеи просеки, композиции “Солнечные часы”, “места под рябинами”.
2. Реставрация видовых площадок: со “скамьей Онегина”, “Горки”.
3. Санитарно-оздоровительные работы по уборке ветровала., снеголома, последствий ураганов и сорного подроста вокруг мемориальных деревьев, а также в целях осветления эстетически значимых участков парка.

4. Реставрация сада только при условии создания надежной дренажной системы территории.
5. Консервация старых фундаментов различных служб в парке.

Библиография.

1. Материалы обследования "Леспроекта". (ПЗ[НА])
2. Тимофеева-Починковская "Шесть лет в Михайловском", Пушкинский Дом (рукопись)
3. Лихачев Д. С. "Поэзия садов", Л., Наука, 1982
4. Голубев В. З. "Из истории Пушкинского заповедника" в сб. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М., Л., 1941 г., №6
5. Агальцова В. А. "Сохранение мемориальных лесопарков" М., Лесная промышленность, 1980
6. Гаррис М. А. "Пушкинский уголок" М., Л., 1923, ГИЗ
7. Устимович П. М. "Михайловское, Тригорское и могила Пушкина", 1927

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОЕКТА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ ПАРКА ТРИГОРСКОЕ

Агальцова В. А.

Процесс проектирования восстановления и реконструкции парка музея-усадьбы Тригорское распадается на три основных направления:

1. восстановление характера парковой композиции на мемориальный период;
2. сохранение и продление жизни дошедших до наших дней старовозрастной древесной растительности;
3. формирование паркового типа ландшафтов с целью поддержания восстановленной композиции на бесконечно далекую перспективу.

Каждое из этих направлений потребовало выполнения определенного объема и характера исследований, позволивших решить единую задачу реставрации усадебного парка как историко-культурного памятника - произведения садово-паркового искусства и мемориального, связанного с именем А. С. Пушкина.

Предложения по восстановлению основывались на традиционном подходе к развитию музея-заповедника, разработанном С.С. Гейченко с одной стороны, и на опыте проектантов по восстановлению мемориальных парков - усадеб с другой стороны (Спаское-Лутовиново, Тарханы и т. д.). При этом учитывались решения ученых советов музея-усадьбы и пожелания отдельных его сотрудников, работавших над проблемой его музеефикации.

Определяющим фактором при разработке проекта являлась необходимость сохранения и поддержания ценных природных элементов, составляющих ландшафтно-историческую структуру парка с одновременным формированием биологически нормальной парковой среды.

Анализ полученных данных позволил выявить характерные особенности парка-музея в Тригорском, повлиявших на проектные решения:

1. высокая степень сохранности мемориальной части насаждений, позволяющая раскрыть его композиционные особенности и придающая ему подлинность документа;
2. сочетание в парке ландшафтных и регулярных элементов с преобладанием регулярных в общем планировочном решении, а ландшафтных - в отдельных композиционных узлах и насаждениях;
3. отсутствие в настоящее время первоначального центра усадьбы, в результате чего исторические планировочные элементы потеряли свое обоснованное начало и завершение;
4. второстепенная постройка, ставшая господским домом, превратилась в архитектурную доминанту, а акценты в композиции сместились на отдельные парковые "затеи";
5. перерождение парковой структуры насаждений в лесную (второй ярус, подрост, подлесок, покров), привело к:
 - формированию на месте открытых и полуоткрытых пространств высокополнотных насаждений;
 - изменению породного состава насаждений в сторону увеличения доли теневыносливой ели за счет светолюбивых пород: сосны и березы;
 - утрате и вырождению декоративных видов кустарников в мощно развившемся подросте клена остролистного и ясеня;
 - зарастанию граничных валов и рвов, береговых линий прудов и опушек полей, имеющих историческое значение, растительностью в возрасте до 70 лет;
 - утрате пейзажных картин, перспектив, видов и визуальных связей парка с окружающим ландшафтом;
 - ухудшению условий инсоляции, проветриваемости и проходимости, увеличению влажности, накоплению бурелома, валежа и сухостоя, развитию энтомо- и фитовредителей;
6. насыщенность парка семантически значимыми элементами, возможно имеющими корни в мировоззренческих взглядах первых владельцев Тригорского;
7. значение усадьбы, как мемориального пушкинского места и живой пейзажной иллюстрации к его произведениям.

Все проектные предложения разделены на два направления:

1. комплекс восстановительных мероприятий, связанных с единовременными работами по воссозданию композиционно-планировочной структуры парка;
2. система мероприятий постоянного и квалифицированного ухода в целях сохранения и поддержания восстановленной парковой композиции ("Проект организации паркового хозяйства").

В соответствии с выявленными особенностями парка "Тригорское" проектом предлагается:

1. Комплекс лечебно-оздоровительных мероприятий по сохранению старовозрастной (мемориальной) части насаждений:

- лечение и пломбирование дупел - 80 дер.
- санитарная обрезка сухих вершин, ветвей и сучьев - 540 дер.
- подкормка и комплексный уход за особо ценными деревьями - 17 дер.

Санитарно-оздоровительные мероприятия:

- вырубка сухостойных и усыхающих деревьев - 124 дер.
- уборка валежа и захламленности - 300 м³
- вырубка фаутовых и пораженных *Dendrokthone* деревьев - 153 дер.
- корчевка и вывоз с территории пней - 847 шт.
- улучшение инсоляционного режима старовозрастных деревьев путем уборки из под их крон молодняка самосевных пород - 1100 дер.

2. Сохранение и восстановление регулярных элементов парка (дополнение рядовых посадок дуба, липы) - 70 шт. Реставрация композиционных узлов парка путем проведения ландшафтных рубок, посадки деревьев и декоративных кустарников, улучшением травостоя и устройством газонов ("Солнечные часы", северный и западный склоны, фруктовый сад, участок оранжерейного хозяйства) - 14 га.
3. Выделение архитектурными средствами контура исторических зданий композиционного центра усадьбы (устройство стенок на месте сохранившихся фундаментов). Восстановление планировочного рисунка подъездной и хозяйственной дорог - 1200 пог. м. Раскрытие и ремонт видовой площадки перед домом Вындомских - 40 м²
4. Благоустройство территории вокруг дома Осиповых-Вульф: замена групп декоративных кустарников (*Syringa vulgaris*, *Phyladelphus pubescens*, *Rosa rugosa*) - 80 шт. ; устройство цветника в стиле 1-ой трети XIX века - 70 м² ; устройство дернового покрытия в "бо-

- скетике” и установка малых архитектурных форм (стол и скамьи) - 150 м²; вдоль западного фасада устройство газона и посадка декоративно-лиственных и цветущих растений - 40 м²; цветника и 200 м² газона; посадка водных растений (ирисы болотные, кувшинка, кубышка и т. д.) после расчистки пруда - 60 шт.
5. Формирование парковой структуры насаждений (30 га.): проведение ландшафтных рубок по раскрытию перспектив, видов и панорам; вырубка малоценной растительности (ольхи серой, подроста тополя, ясеня и клена на месте полян с корчевкой и устройством луговых газонов) - 1,5 га; вырубка с корчевкой подроста клена остролистного из-под полога старовозрастной растительности в участках северного и западного склонов и “Солнечных часов” - 9,4 га; восстановительная посадка куртин сосны и березы с группами декоративных кустарников - 86 дер., 1050 куст; улучшение состава травостоя - 9,4 га; расчистка, углубление и восстановление профиля граничных валов и канав - 1,2 км. ; расчистка береговых линий прудов - 500 пог. м.; формирование опушек полян - 1500 пог. м. ; систематическое лесопатологическое обследование насаждений парка - 38 га.
6. Восстановление композиции “Солнечных часов” (расчистка внешнего кольца поляны для посадки дубов в соответствии с проектом Майстрова-Бобровниковой, подсыпка центра поляны до уровня холма Дуба уединенного и устройства газона в центре поляны, восстановление радиальных дорожек и прочистка визуальных лучей на композиционные акценты (старовозрастные дубы) - 3 га. Восстановление композиции “Зеленого зала” (посадка в центре дуба, устройство травяного покрытия, установка архитектуры малых форм, устройство пешеходной дорожки для обзора “зеленого зала”) - 200 м². Реконструкция площадки в районе Дуба уединенного, с увеличением площади питания дуба и переносом обзорной площадки на северо-восток -150 м². Устройство дорожек по основным планировочным направлениям с покрытием из спецсмеси (мелкая галька, песок, земля) на основании из песка и щебня с бордюром из мелкого валуна.

Сочетание открытости парка на окружающие ландшафты и закрытости семантических композиций внутри парка сформируют особую среду, где легко представить и присутствие Пушкина и найти материальное подтверждение его поэтических образов.

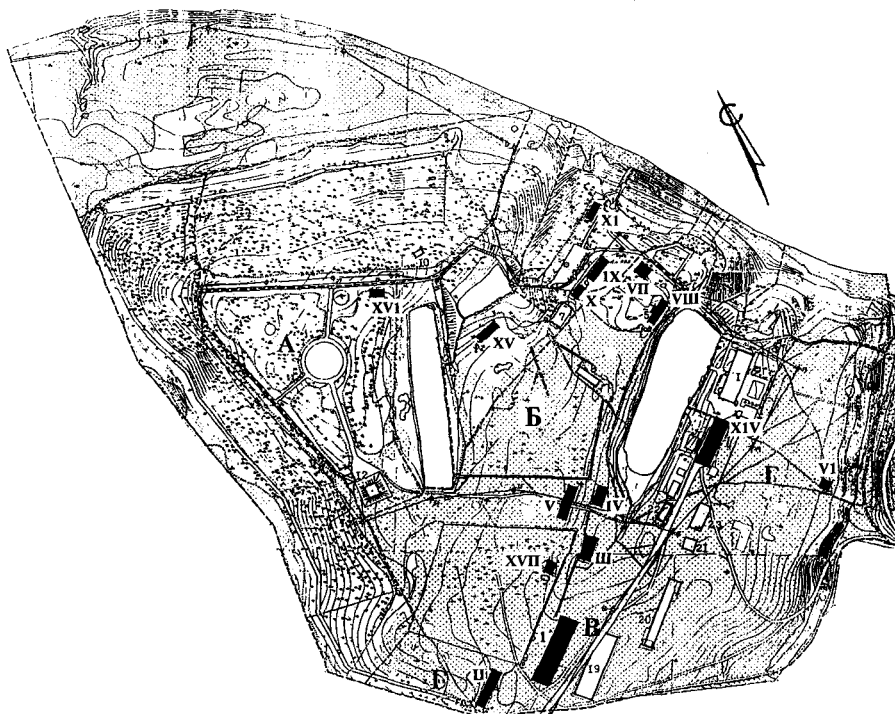
ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТРОЕК УСАДЬБЫ ТРИГОРСКОЕ

Бирюков Ю. Б.

В комплексе исследовательских работ по усадьбе Тригорское в 1996 г. на ее территории были произведены археологические раскопки утраченных построек, существовавших со времени ее возникновения во второй половине XVIII в., до первых десятилетий XX в. В виду близости древнего городища Воронич были основания предполагать наличие и культурном слое остатков средневековых поселений. Но главной целью была историческая топография самой усадьбы. Из многочисленных ее сооружений в настоящее время существует в восстановленном виде только два пушкинских мемориала - дом Осиповых-Вульф и банька. Основная задача раскопок заключалась в определении конфигурации построек, их датировок и функционального предназначения. Для этого в различных местах, имеющих признаки бытовавших ранее сооружений, закладывались шурфы, выявлялись углы, определялась толщина стен, фиксировалась стратиграфия примыкающих слоев. Всего по территории усадьбы было исследовано 17 построек, с общей площадью шурфов 231 кв. м.

На вершине среднего холма изучались остатки первого главного усадебного дома Вындомских (VII) Перед ним со стороны реки еще сохраняется вымостка мелким булыжным. Были определены размеры дома в плане - 14,1×14,35 м. Судя по рельефу, построй-

Музей-усадьба «Тригорское».
Схема

- А - парк
Б - сад
В - хозяйственный двор
Г - огород

ка делилась на 4 помещения с печами и, возможно, с продольным коридором. Для выяснения более точной ее планировки необходимы раскрытия по всей площади. Толщина сложенных из валунов на известковом растворе стен 0,9 м. Внутри одного из помещений в основании сохранившейся на 0,35 м стены была расчищена залитая известковым раствором валунная платформа со следами сгоревшего деревянного пола над ней. Снаружи здания следов пожара нет. Не исключено, что нижний его этаж был каменным. При Пушкине дом еще существовал. Его расположение следует признать особенно удачным в ландшафтной и парковой среде. Единственное дошедшее до нашего времени изображение дома выполнено А. С. Пушкиным. Оно сделано (в двух вариантах) с противоположного берега Сороти. На вершинах холмов изображено два здания - левое с портиком, и правое с квадратным фасадом и бельведером над низкой кровлей. В первом сооружении можно узнать дом Осиповых-Вульф. Местоположение второго совпадает с выявленной нами постройкой. Очевидно, здание имело форму куба, что не удивительно для третьей четверти XVIII в. Найдено три фрагмента белополивных изразцов с голубой полоской по краю.

По бокам от главного дома располагались образующие каре двора флигели. Постройка (VIII) к югу от главного дома имела длину 36,1 м. Ее ширина с востока равнялась 9,62 м. Северная продольная стена ее была обнаружена в 18,5 м от восточного торца отступающей внутрь на 2 м от предполагаемой ее линии. На север от нее отходила 0,85 м ширины стенка, вскрытая на 3,15 м, но продолжающаяся и далее. В кладке этой стенки на растворе вперемешку с булыжником встречается кирпич. Если общие габариты сооружения реконструируются, то его планировка осталась загадкой. Изнутри помещение забутовано крупными валунами, возможно, принадлежащими фундаментной платформе. Фундамент постройки уложен на материк, покрытый углями. В одном из шурфов над материком до линзы строительного щебня подымался 0,1-0,2 м культурный слой с остатками средневековой керамики. Ко времени бытования постройки относятся 6 фрагментов неполивных гладких изразцов, 4 фрагмента неполивных фигурных изразца, 26 фрагментов изразцовых румп, 5 фрагментов гладких изразцов с зеленой поливой.

К северо-западу от главного дома вдоль «зеленого зала» локализованы остатки стоявших в одну линию двух зданий. Размеры первого флигеля (IX) 9,6×34,06 м. Толщина стены 0,9 м. Пол внутреннего помещения - кирпичный щебень с раствором. Найдены фрагмент поливного изразца с голубыми полосами вдоль края, 2 фрагмента фигур-

ных гладких изразцов с белой поливой, фрагмент изразцовой румпы, битая посуда XIX в. Особенно много ее было у северо-западного угла. По обломкам белого фарфорового чайника XIX в. была сделана его графическая реконструкция. Внутренняя планировка и назначение здания не определены.

Стоявший западнее первого, второй северный флигель (X), близок ему по ширине - 9,5 м. Его длина 11 м. Здесь также найдены 2 фрагмента гладких изразцов с белой поливой, 10 фрагментов гладких изразцов с белой поливой и голубым растительным орнаментом, 3 фрагмента с черным растительным орнаментом, 8 фрагментов изразцовых румп, осколки посуды XIX в.

Судя по находкам, оба флигеля могли быть жилыми. На запад от них в одну линию обнаружена большая яма - возможно остатки хозяйственной постройки.

Исследования баньки (XI) на северо-западной оконечности центрального усадебного холма требовались для выявления первоначальных остатков постройки в структуре восстановленного в 1978 г. объема и их изучения. В печном развале к западу от постройки найдены 2 фрагмента изразцов гладких неполивных, 6 гладких с белой поливой, 2 фрагмента белого поливного изразца с голубыми полосами вдоль края, 2 фрагмента изразцовых румп, т. е. от трех печных наборов. Обнаружены также фрагменты керамики XVIII-XIX вв. и венчик средневекового черноглиняного сосуда.

С запада к площадке усадебного двора когда-то подходила дорога. Ее трасса еще прослеживается между садом и большим прудом. При въезде на современную территорию усадьбы определены габариты двух построек. Расположенная слева от дороги (I), большая из двух, сложена из околотых валунов с добавлением кирпича, обрамлявшего оконные и дверные проемы. Окончательно разобрана в начале 1960-х гг. на фундамент возобновляемого усадебного дома. Имела размеры 64×10,7 м, 8 помещений, разделенные каменными перегородками. Судя по технике кладки, возведена в конце XIX в.

Постройка слева от дороги (II), предполагаемое здание «молочни», с размерами 41,35×7,52 м, состояла из четырех помещений разной конфигурации. По технике валунной кладки стен также датируется концом XIX в.

Западнее располагающегося вдоль дома Осиповых-Вульф пруда в низине справа от вышеупомянутой дороги вдоль нее локализованы две постройки (III, IV), Их размеры 22,7×9,4 м и 19,7×9,14 м. Судя по

конструкции валунного основания, это были деревянные сооружения, может быть амбары.

По другую сторону дороги на пригорке изучено здание (V) с кирпичными столбами по его периметру, вероятно, опорами бревенчатого заполнения. Его ширина 9 м. Длина - примерно 36 м. Перед входом от дороги зачищена валунная вымостка. Ширина ее площадки от постройки 6,8 м. Длина вдоль постройки - 11,5 м. Перед входом в строение имелся заходящий на вымостку на 3. 25 м навес, длиной 11,4 м, опирающийся на кирпичные столбы. На юго-запад от него стена тянулась на 12,5 м. Здание имело перегородку примерно по оси навеса. Найдены фрагмент поливного изразца с голубым предметным изображением на белом фоне, с голубыми полосами по краям, 5 фрагментов фигурных гладких изразцов с белой поливой, один неполивной, 4 фрагмента изразцовой румпы. Предположительно постройка служила конюшней, но находки металлических деталей печи и фрагментов изразцов 4 типов свидетельствуют о печном отоплении, что позволяет допустить и иную функцию. Найдены также 22 фрагмента красноглиняной черепицы и обломки посуды XIX в.

Юго-западнее «конюшни» почти в одну линию с ней и северо-западнее «молочни» в глубине сада, в 7,6 м от его ограды, были обнаружены два параллельных фундамента стоявшей вдоль дороги к усадьбе кирпичной постройки с шириной южного помещения 4,4 м (XVII). Над валунным фундаментом сохранился ряд кирпичей. В развале найдены 9 фрагментов изразцов с белой поливой и голубыми полосами по контуру, 2 фрагмента неполивных изразцов и 4 фрагмента румп.

Итак, вдоль подъезда к первоначальному усадебному двору обнаружено 6 разновременных хозяйственных построек.

В юго-западной части усадебного парка к западу от холма с растущим на его вершине «дубом уединенным», примерно в 25 м от него, при расчистке еще одной старой дороги, были обнаружены валуны. Ряд валунов протянулся на 8,4 м. Предположение о принадлежности валунов фундаменту несохранившегося сооружения не подтвердилось. После зачистки обоих концов кладки перпендикулярных рядов валунов не обнаружено. Функционально сооружение следует определить как вымостку откоса проходящей в основании холма дороги. Находка подтвердила правильность реконструкции дорожной трассы.

К юго-западу от «зеленого зала», над средним прудом, обнаружен развал кирпичной постройки (XV), ориентированной на восток. Ее полные габариты остаются не выясненными, лишь северо-западный угол был доступен для изучения. Определение сооружения как оран-

жерей подтверждает скопление вокруг нее битых цветочных горшков. Вдоль аллеи, ведущей от прудов к «ели-шатру», найдены остатки постройки (XVI), ориентированной примерно на юго-восток. Шурфом был открыт ее юго-восточный угол. На валунном фундаменте на известковом растворе сложена 0,55 м толщины кирпичная стенка. Сохранилось 7-8 рядов кладки. Постройка имела заглубленный почти на 1 м в материк полуподвальный этаж. Ее расположение в начале аллеи и вблизи пруда говорит о важности этого сооружения в системе парка.

На краю холма у спуска к городищу Воронич была обнаружена известная только по упоминаниям середины XIX в. усадебная кузница (VI). Длина постройки равна 11 м, ширина 6,7 м. Она была деревянной на широком валунном фундаменте, состоящая из одного помещения. Сохранился горн размером 4,7×2,2 м с зольником. Сменившая ее поздняя постройка имела в юго-восточной части очень крупных размеров платформу и три параллельных поперечных ленты валунного фундамента, очевидно, под деревянные стенки, не соединенные западной, как если бы два помещения были бы открыты в сторону главного усадебного дома. С учетом имеющихся сведений целесообразно было бы полное исследование памятника и, может быть, восстановление кузницы.

В нескольких десятках метров к юго-востоку от дома Осиповых-Вульф в дренажной траншее были обнаружены валуны двухрядного фундамента южной стены постройки, вероятно, с кирпичным цоколем (XIV), вытянутой по общей с усадебным домом осью. Один из найденных кирпичей 29×15×7 см имел длинную полукруглую тесаную сторону, предназначенную для округления угла или колонны. Удалось приблизительно определить размеры здания - 15×45 м, совпадающие размерами усадебного дома. На межевом плане 1784 г. примерно на этом месте изображена постройка крупного размера. Поэтому найденное основание можно отнести к зданию первоначальной полотняной фабрики 1780 г.

Сейчас парк в Тригорском воспринимается живописным зеленым массивом в стороне от усадебного дома. Первоначально и еще при Пушкине ситуация была иной. Парк был наполнен архитектурными акцентами. Отдельные строения в парке и асимметричная планировка усадебного двора составляли единое целое с нерегулярной, но рукотворной, насыщенной идеями парковой системой. Архитектурно оформлена и выделена была хозяйственная зона на подъезде к усадьбе. Выявление и показ утраченных звеньев ансамбля безусловно обогатило бы культурно-историческую среду музея-усадьбы.

**МУЗЕЙ
И ЖИЗНЬ**
по документам
1942 - 1997 гг.

Будылин И. Т.

Приходя сегодня в Тригорское, паломники видят здесь немало нового: возрождены новые парковые аллеи, цветники, мостики и знаменитые солнечные часы ...Удалены последствия ураганов, самосев. Тригорский парк восстановлен в своих исторических границах. После капитального ремонта вновь обрел классическую красоту «дом Лариных».

Много любви, таланта, знаний вложено в дело воссоздания музея учеными, архитекторами, реставраторами, строителями и, конечно, сотрудниками музея нескольких поколений.

«Приют, сияньем муз одетый» много лет дарил людям радость познания мира Пушкина. Но при этом жил трудной, не всегда видимой гостю жизнью. Все чаще уходят из жизни деревья-ветераны, зарастают и глохнут пруды, на парк самосевом наступают другие породы деревьев. Не обходят Тригорское ураганы, ветры, морозы и снегопады...

Вдумчивый читатель найдет в этой статье ответы на вопросы о жизни музея, о судьбе Тригорского парка в прошлом и настоящем. Кроме того перед нами - редкие документы, имеющие неоспоримую ценность для ученых, экскурсоводов, сотрудников заповедника, журналистов и всех, кто серьезно размышляет о настоящем и будущем «пушкинского уголка».

Принципы возрождения музеев заповедника после войны были выработаны пушкинской комиссией в 1946 году. Главный из них -

“принцип максимального приближения всех памятников к их историческому виду, максимального воссоздания в том облике, который они имели при Пушкине и в каком отразились в его произведениях” [1].

К воссозданию дома-музея в Тригорском (1957) - заповедник обратился, имея опыт реэкспозиции в Михайловском (1951), когда общий материал о всей жизни А. С. Пушкина впервые уступил место локальному.

Те же принципы использованы С. С. Гейченко и другими сотрудниками при создании музея в Тригорском. Открытие Михайловского и Тригорского было одним из первых опытов возрождения усадебных музеев в провинции. Практика последующего тридцатилетия постоянно вносила коррективы в первоначальные решения, и музей, каким он был создан в 1962 г., весьма определенно отличался от музея последующих лет.

Как показывают документы, сам С. С. Гейченко предусматривал развитие музея, продолжение восстановления парка, реконструкцию его аллей и прудов. Кроме того к 1996 году в охране и использовании музея накопились определенные противоречия. Реставрация 1996-1997 гг., приуроченная к 200-летию А. С. Пушкина, и стала средством их разрешения.

Общая площадь Тригорского 37,6 га. Из них - 19,89 га занимает парк.

После поджога и гибели усадьбы в 1918 году Тригорский парк зарос и заглож настолько, что первые экскурсии 20-х годов не могли обходиться без местного проводника [2]. Научные исследования парка 1939 и 1940 гг. фиксируют *“чрезмерно допускаемую полноту еловых, сосновых и смешанных молодняков, распространение многообразных вредителей ...Лещина, ольшанник, бузина и т. п. при отсутствии искусственного вмешательства надолго вытеснили деревья декоративного значения” [3].*

Весьма серьезно пострадало Тригорское в войну. *“Немецко-фашистские захватчики опустошили и загадили парк в Тригорском, изрыли траншеями, оплели проволочными заграждениями и заминировали. В парке много деревьев вырублено”,* - говорилось в акте Чрезвычайной государственной комиссии. Деревья-памятники оказались изранены осколками мин [4]. В 1965 г. погибла старинная “ельшатер”. Акты свидетельствуют, что в 60-70-е годы погибает множество деревьев, в том числе и мемориальных.

В ходе послевоенного восстановления в парке найдены упоминающиеся в переписке А. С. Пушкина и воспоминаниях уголки - «Место

под рябинами», особенно нравившаяся поэту плакучая ива, нашли и остатки березы у одного из прудов, которую поэт просил не вырубать при уборке парка.

«При исследовании в разных частях парка обнаружены следы загложших аллей и других парковых сооружений, - писал С. С. Гейченко в 1954 году, - обнаружены фундаменты каких-то древних сооружений, относящихся, по-видимому, еще к тому времени, когда на месте парка существовали остатки «верхнего посада» пригорода Воронича, сгоревшего, как известно, в XVII веке.

В ближайшее время предполагается приступить к корчевке многочисленных пней, оставшихся в разных частях парка. Большинство из них осталось от старых дубов, лип и кленов, уничтоженных фашистскими захватчиками в 1941-44 годах. Эта трудоемкая работа будет произведена при помощи техники 1-й Пушкиногорской МТС. На местах корчевки будут сразу же подсаживаться молодые деревья» [5].

Заповедник всегда располагал весьма скромными финансовыми возможностями. Лечение деревьев и поддержание порядка в парке велось только своими силами. *“Работы по лечению и пломбированию старых деревьев требуют специального оборудования, техники и разборных лесов, подвижных вышек, раздвижных лестниц и пр. Ничего этого у нас нет. Мы работаем доморощенным способом” [6], - признавался С. Гейченко.*

В этих условиях для заповедника принципиально важным было сохранение наиболее важных, классических уголков парка: “дуба уединенного”, “скамьи Онегина”, “зеленого зала”. Не могло стоять задачи воссоздания паркового ансамбля и полноценной сети аллей, тропинок, прудов, восстановления дренажной системы. Не был организован сток дождевых и талых вод. После каждого дождя перед входом в парк выставлялось объявление: “Вход закрыт в связи с ненастной погодой”. Территория парка заболачивалась, что ослабляло корни деревьев. В ураган 18 октября 1967 г. погибло 27 сосен и елей.

Натурные исследования в Тригорском активно проводилась в 70-е годы под руководством парковеда О. Бобровниковой.

“В итоге работы появился проект реконструкции парковых ансамблей, их оздоровления и ухода за деревьями. Удалось установить возраст не только мемориальных сосен, лип, кленов, но и декоративного кустарника, сирени, акации, лещины. Они уже достигли двухсотлетнего возраста” [7].

Тогда же заповеднику был предложен проект восстановления уникальных солнечных часов Тригорского [8].

“Специалистов удивляет точность их планировки и построения, - отмечал С. С. Гейченко. - Проект восстановления тригорских солнечных часов закончен. Недалеко время, когда они появятся в своем первозданном виде” [9].

Планировалось и восстановление малого каскадного пруда за “зеленым залом”. О такой возможности С. С. Гейченко запрашивал институт “Ленгипроводхоз” (еще в 1974 г.) [10]. Кроме возрождения дома-музея и баньки, в парке планировалось возродить и ряд ныне утраченных аллей и дорожек [11].

Анализ документов показывает, что возрождение Тригорского в 60-70-е годы оценивалось С. Гейченко именно как **первый, промежуточный этап** на пути к оптимальному воссозданию усадебного, паркового ансамбля. Он утверждал:

“Впереди многолетняя нелегкая, но благодарная работа. Она даст возможность оздоровить парковые ансамбли, возродить их первоначальный вид” [12].

Однако главным препятствием развития музея было весьма ограниченное финансирование. Хронически стояли вопросы эксплуатации, реставрации:

“Многие работы переходят несделанными с осеннего санитарного месяца, - докладывала зав. музеем Г. Ф. Симакина, - а между тем это необходимо ...Мебель, требующая реставрации, до сих пор не отреставрирована, несмотря на мои просьбы. Много вещей, требующих ремонта и рук художников” [13].

Ситуацию могло изменить только специальное правительственное решение.

В 1978 г. было принято Постановление Совета министров РСФСР “О мерах по дальнейшему благоустройству Пушкинского государственного музея-заповедника в Псковской области”. В документе особо оговаривалось:

“Обязать Министерство культуры РСФСР с целью приближения усадеб к тому виду, который они имели при жизни А. С. Пушкина, продолжить реставрацию и реконструкцию с. с. Михайловского, Тригорского, Петровского”. Предусматривалось “полное воссоздание усадебного быта Тригорского” [14].

Согласно Приложению 1 Постановления предписывалось:

“Произвести реконструкцию внутрипарковых аллей и дорог в с.с. Михайловском, Тригорском и Петровском” [15].

Однако первоочередных капитальных вложений требовали в ту пору другие объекты - "Мельница" в д. Бугрово (открыта в 1983 г.), городище Воронич, мемориальное кладбище в д. Воронич, в последствии - строительство Научно-культурного центра в п. Пушкинские Горы.

В Тригорском в 1978 г. открыты музей "Банька" и новый фрагмент экспозиции - "библиотека".

Радикально изменил ход восстановительных работ в заповеднике и в Тригорском, в частности, ураган 17 августа 1987 г. Общее число погибших здесь деревьев - более 200. Из них мемориальных - 64. (В Михайловском эта цифра - 27, в Петровском - 18).

Силами военнослужащих и dobroxотов срочно были освобождены от завалов только экскурсионные маршруты. Между тем, уже на конференции 22 августа 1987 г. ученый, преподаватель лесотехнической академии Л. В. Щербакова предложила заповеднику форсировать работы по ликвидации последствий урагана. Мотивация - распространение древесных болезней, пагубных для всего парка.

МК РСФСР предложило заповеднику укрепить базу лесопарковой работы, на что С. Гейченко дал следующий ответ:

"Что касается создания в заповеднике совета по делам лесного хозяйства и увеличения его штата, я должен Вам сказать, что в связи с отсутствием у нас свободного жилья и низкой зарплаты лесоводам, найти нужных людей для этой работы совершенно невозможно" [16].

В Тригорском разборка завалов в неудобьях "трех гор" была к тому же технически сложна. Проблема и течение **десяти** последующих лет оставалась нерешенной.

Тогда же в критическом положении оказался и сам дом-музей. В 1962 г. здание было принято с существенными недоделками. Так, в смете 1958 г. оговаривалось **"устройство булыжной отмостки вокруг дома"** [17], но она не была сделана. На ее необходимость не раз указывалось в актах инженерных обследований [18]. Однако вопреки запросам о капитальном ремонте ограничивались косметическими. Стихийное бедствие разнесло в двух местах покрытую щепой крышу. Не совершенное электроснабжение и отопление ставило под вопрос дальнейшую эксплуатацию музея. С резким заявлением по этому поводу выступила тогдашний зав. музеем Г. Ф. Симакина:

"Вызывает беспокойство состояние тригорского дома-музея. За лето накопилась в доме жуткая сырость. Он почти не сушился, т. к. почти все лето нет электричества. Это пагубно сказывается в первую очередь на экспонатах. Сегодня в Тригорском временно хранится портрет

Е. Н. Вульф из частной коллекции. На днях приезжает его владелица, и, увидя условия его хранения, она просто увезет его от нас и никогда нам больше его не даст.

Из-за отсутствия света в доме полумрак. Значит, не исключается возможность пропажи вещей, тем более, что у нас много разных мелких экспонатов. И сегодня я официально заявляю, что при таких условиях работы, я снимаю с себя ответственность за сохранение вещей [19].

Согласно акту от 18 апреля 1961 музей и подрядчик отклонились от первоначального проекта дома-музея: *“Они “нашли целесообразным видоизменить ряд работ в связи с тем, что восстанавливаемое здание является музеем с обслуживанием посетителей - экскурсантов только в летний период”* [20]. Однако реально музей работал круглый год, что обострило проблему электро и теплоснабжения, хранения раритетов. *Музеи “работают, что называется, “на износ”, - писал С. С. Гейченко, и просил специалистов “установить “потолок” посещаемости”, что “будет содействовать сохранению памятных пушкинских мест и их меморий”* [21].

Ограничения на посещения в музеях заповедника никогда не вводилось, да и не могли быть введены, учитывая их популярность.

Реально заповедник мог предпринять только меры, решавшие проблемы на короткое время.

В 1992 году другой зав. музеем Тригорское А. И. Давыдов в рабочих документах, направленных в дирекцию, отмечал: *“С 1962 г. производились только текущие и косметические ремонты”*. Подчеркивалась необходимость в проведении большого комплекса работ как в доме-музее, так и в парке. Требовалась замена системы отопления калориферами как ненадежной и малоэффективной.

В музее-“баньке” также необходимы отопление и сигнализация.

В парке *“некоторый уход”* ведется только за памятными местами. *“В остальной своей части парк заглож, представляя собой естественно возобновляемые заросли деревьев и кустарников, но состав во многом изменился”*. Указывалось на необходимость ремонта всех малых форм, системы дренажа, гравийного покрытия дорожек, аллей и площадок, восстановления мелиоративных канав, укрепления склонов у дома-музея. Вновь ставилась проблема ликвидации последствий урагана, уборки *“сорного подроста” “в целях осветления эстетически значимых участков парка”*. Требовалась консервация старых фундаментов и различных служб в парке [22].

Негативно сказалась на состоянии сада постройка новой дороги к дому-музею. Насыпь изменила распределение талых и дождевых вод. Они распространились на территорию сада. В 1990-1991 годах здесь от переувлажнения почвы погибло 24 яблони [23]. Поэтому хранителем оговаривалось: *“Реставрация сада возможна только при условии создания надежной дренажной территории”*. Кроме того бесконтрольное движение транспорта по дороге осложнило деятельность музея. Предполагалась замена покрытия на дороге, проложенной *“без всяких исторических оснований”* [24].

Только в 1990 году в заповеднике был создан лесопарковый отдел (с 1996 - природно-ландшафтный отдел). Его заведующая Г. Н. Пиврик фиксирует в 1993 г.:

“В Тригорском парке продолжается усыхание деревьев как хвойных, так и лиственных пород. На сосне обнаружены гнили корневой губки. Стволовые гнили имеются также на многих липах, дубах, кленах и березах. Все это свидетельствует о неблагоприятном состоянии Тригорского парка. Несмотря на проведенную в 1991-1992 гг. уборку сухостоя хвойных пород, за последнее время появились новые сухостойные и буреломные деревья. Последние - результат ураганных ветров в январе 1993 г.

Много больных лип ...После урагана 1987 г. в лесном массиве образовалось несколько “окон”, где произошли сплошные вывалы сосны и идет интенсивное заболачивание” [25].

Учеными лесотехнической академии Санкт-Петербурга - Катаевым О. А., Щербаковой Л. Н., Зарудной Г. - отмечалась *“сильная ослабленность древостоев Тригорского парка”*, необходимость *“ускорить разработку завалов прошлых лет, уборку захламленности в глущине паркового массива”* [26].

Таким образом, в жизни музея весьма определенно обозначился ряд проблем эксплуатации, сохранения и развития. Эти проблемы могли быть решены **только при целостном подходе** с привлечением специалистов соответствующих отраслей.

В июле 1993 г. администрация пригласила для работы известного ученого и практика, парковеда В. А. Агальцову, автора книги “Сохранение мемориальных садов и парков”. Отчет научной части заповедника констатировал следующее:

“Она еще раз подчеркнула, что сейчас - спустя полтора века после смерти А. С. Пушкина можно говорить лишь о степени приближения ландшафта к тому виду, какой он имел при Пушкине, а не о его полном воссоздании...

Чистота стилей в парках во многом утрачена, и добиться ее теперь довольно сложно. Лучше, считает В. А. Агальцова, в экспозиционных целых сохранить пусть даже небольшое количество мемориальных старых деревьев или фрагменты аллей, чем заниматься их реконструкцией, так как под пологом старых деревьев посадки растут хилыми, слабыми и производят удручающее с точки зрения эстетики впечатление. Однако многое подлежит восстановлению на исторической основе: “солнечные часы”, уникальное садово-парковое сооружение в тригорском парке, ромбические боскеты в районе еловой аллеи в Михайловском в соответствии с планом 1786 г. и др.

Эти работы в ближайших планах Пушкинского заповедника [27].

В письме В. А. Агальцовой директору заповедника В. С. Бозыреву говорилось: *“В отношении объема полевых работ по паркам можно было бы выполнить в этом году Михайловское - лес и парк; 1994 - Тригорское, 1995 - Петровское, Воронич, Святогорский монастырь”*. Тогда же (18 июня 1993 г.) заповедник получил текстовые и планово-картографические материалы, пояснительную записку, схему лесопатологического исследования и сметы [28].

Отметим, что основные идеи по восстановлению парков были приняты дирекцией во главе с В. С. Бозыревым и Г. Ф. Симакиной уже в 1993 году.

На реставрационных работах в парках заповедника настаивали и специалисты других музеев. Отмечая работу лесопаркового отдела, многолетний, главный хранитель Павловского парка М. А. Флит в своем заключении советовала *“раскрыть перспективы на долину реки Сороть от господского дома”*, настаивала на лечении старых деревьев [29].

Тем не менее в 1993 и 1994 гг. работы не начинались. Сложное финансовое положение в государстве не позволяло осуществлять крупные реставрационные проекты. Положение заповедника становилось критическим и вызвало обоснованную тревогу Областного комитета по охране природы:

“Музей-заповедник не является землепользователем, и поэтому его юридическое положение очень неопределенно...”

...Как показала проверка облкомприроды на предмет соблюдения природоохранного законодательства в музее-заповеднике, в нем существует много серьезных проблем...

Особенно большую озабоченность вызывает состояние старинных парков в Михайловском, Тригорском и Петровском. До сих пор не

ликвидированы последствия урагана августа 1987 года. Окраины парков захламлены, зарастают самосевом малоценных пород, еловые насаждения гибнут от инфекционной корневой губки...

Озеро Кучане стареет, зарастает, нуждается в очистке. Очистки давно требуют и пруды в Михайловском, в Тригорском. Водоемы зарастают камышом и рогозом, подкачку свежей воды в них никто не производит. Плотины в парках находятся в плачевном состоянии, требуют реконструкции. Нет никакого ухода и за полем, оно от опушек зарастает деревьями малоценных пород, травяной покров деградирует. Склоны городища Воронич требуют срочных мер по укреплению” [30].

В декабре того же 1994 года зав. музеем Тригорского А. И. Давыдов обратился к Г. Н. Василевичу, директору заповедника, (с марта 1994 г) с докладной запиской:

“Довожу до Вашего сведения, что в результате лесоповалов в парке Тригорского накопилось 120 (сто двадцать) кубометров гниющей и разлагающейся древесины (“неликвида”) в местах, к которым большей частью отсутствует подъезд. К этим неразобраным завалам лесоповала с осени этого года прибавилось около 20 (двадцати) куч хвороста по 10-15 кубометров, которые по новой технологии нельзя, как и лесоповал, сжигать, а только вывозить.

Прошу принять меры к приведению парка в надлежащее состояние” [31].

Налицо был кризис. Однако оказалось, что материальную базу для выполнения планов и постановлений по заповеднику могла создать только особая ситуация - подготовка к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

В декабре 1995 года Указом Президента РФ Государственный музей-заповедник “Михайловское” включен в число Особо ценных памятников культуры России. В идеале это открывало перспективы финансирования неотложных работ.

В декабре 1996 года впервые в практике заповедника был создан Ученый Совет. Судьбу заповедника решали представители правительства РФ, МК России, ученые-пушкинисты, архитекторы и практики музейного дела. Совет рассмотрел и одобрил проведение реставрации в Тригорском по следующим направлениям:

1. Ремонтно-восстановительные работы в усадьбном доме.
2. Реконструкция коммуникаций (тепло- и электроснабжение, водопровод, канализация).
3. Очистка и реконструкция прудов в парке.

4. Реконструкция западной части парка.
5. Воссоздание дренажной системы.
6. Восстановление исторической планировки усадьбы.
7. Восстановление малой парковой архитектуры.
8. Проведение дренажных работ на лугу в излучине Сороти.
9. Ремонт баньки.
10. Уточнение экспозиции в музее.
11. Строительство служебных жилых домов вблизи усадьбы для доброхотов, специалистов, а также для хранителя музея.

Программа работ содержала основные идеи Постановления СМ РСФСР 1978 г., но не воплощенные в последующее двадцатилетие. Обоснование и проведение работ Ученый Совет поручил В. А. Агальцовой. Оздоровительные мелиоративные работы, восстановление и благоустройство аллей, ремонт плотин должны были проводиться одновременно. Вскоре в Тригорском была введена должность хранителя парка - биолога (в составе природно-ландшафтного отдела).

Во избежание травмирования почвы расчистка завалов началась при устойчивом снежном покрове - в феврале 1996 г. Уборка поваленных и безнадежно больных деревьев тщательно документировалась; велась фотофиксация.

Особо сильные завалы пришлось разбирать с помощью техники в восточной и северо-восточной части парка. Необходимо отметить, что строительного леса в Тригорском не было и нет. В время ветровалов погибали в первую очередь деревья с ослабленной корневой системой, изрешеченные пулями и осколками снарядов в годы войны. И, наткаясь на них, пилы нередко выходили из строя. Фрагменты таких деревьев мы сохранили.

Целостный подход к решению сложнейших проблем музея предполагал одновременное проведение работ по двум взаимосвязанным направлениям - реставрации и благоустройству. И если первое из них было подготовлено практикой музея, то второе - лишь формировалось. В заповеднике оно было на втором плане, хотя С. Гейченко еще в 1960 г. призывал своих коллег не устраниваться от данной проблематики:

“Жизнь поставила перед музеем заповедника задачу: или сам музей найдет в заповеднике нужные нейтральные места и построит в них уборные, отстойные колодцы и помойные ямы, или пусть пеняют на себя - миллион квадратных метров его музейной площади постепенно будет загрязнен отбросами и мусором...

Я хочу сказать, что всюду, где люди, туризм, массовые экскурсии, всюду вопросы благоустройства приобретают особое значение.

Музейные работники заповедника не должны стоять в стороне от решения вопросов благоустройства своей территории и организации быта экскурсантов. У нас эти вопросы решаются при их обязательном участии. За нами решающее слово: что должно быть абсолютно заповедным, неприкосновенным и что может быть использовано для внедрения элементов современного благоустройства.

У нас, музейных работников, работающих в области создания мемориальных литературных музеев, нет правил или готовых схем. Много в нашем деле очень трудно. Работа над воссозданием памятников и их мемориализацией требует от тех, кто за нее берется, очень многого и прежде всего, глубокого и всестороннего знания материала, постоянной консультации у специалистов литературоведов, историков, архитекторов, художников. Она требует большого труда и вдохновения. Она требует напряженного мышления и, я бы сказал, мышления особого, в котором переплетается мышление художника и ученого-собирателя, и массовика-пропагандиста. Трудности приносят нам нередко большие огорчения. Временами нужное просветление приходит слишком поздно, и у нас уже не бывает времени, чтобы сделать все так, как было первоначально задумано ...» [33].

Нерешенность проблем благоустройства в последующие годы не раз вызывала негативную оценку в печати.

Постановление СМ РСФСР «О мерах по благоустройству и развитию заповедника» было принято в 1969 г. Оно предусматривало очистку парковых прудов, строительство подъездных дорог, устройство системы отопления в домах музеях и т. п. Но и эти решения были выполнены далеко не все. В 1980 г., анализируя ход выполнения Постановления 1969 г., сборкор газеты «Правда» В. Воробьев писал: *«...Многое из предусмотренного проводилось в жизнь с большим опозданием по срокам, выполнялось формально ...Сервис упирается в другую проблему - нужно создать надлежащие условия для тех, кто призван обслуживать» [33].*

В прежние годы благоустройству мешала межведомственная разобщенность. Заповеднику (номинально, не юридически!) принадлежала территория, однако, например, обслуживание туалетов находилось в ведомстве райкомхоза ...Эта организация состоянием дела не интересовалась, надеясь на заповедник. На практике па-ломникам приходилось использовать поэтические уголки парков как отхожие места. И подобные противоречия в жизни заповедника нередки.

Тем не менее сама постановка вопросов благоустройства в 1996 г. вызвала у части сотрудников протест. Промежуточный этап восстановления заповедника был воспринят ими как конечный. Между тем, реконструкция Тригорского впервые в истории заповедника ставила задачу связать и одновременно функционально развести жизнь музея и благоустройство. Оно должно было стать опорой полноценной деятельности музея. Таким образом, основные решения, с одной стороны, были логическим продолжением опыта и традиций заповедника, а с другой - на службу заповеднику должен был быть поставлен и современный опыт реставрации. Особо оговаривалось музеем высокое качество работ. Таковы исходные положения, которые были предложены музеем институту "Спецпроектреставрация" (Псков) и главному архитектору проекта В. Е. Никитину.

Гостевой дом

Идея строительства "Дома отдыха" ученых в Тригорском (на фундаменте усадебного дома) обсуждалась в Академии наук еще в 1947 г. Хотя планы эти и не были осуществлены, практика жизни музея ставила вопрос о благоустройстве вновь и вновь.

В 1983 году на фундаментах у дома-музея (по аналогии с Михайловским) построены два флигеля - "кухня" и "людская", "погреб". Исторического обоснования для возведения этих строений в архиве заповедника автору найти не удалось. Из служебной записки заместителя по административно-хозяйственной части известно только, что один из домов ранее находился в д. Попова Гора [34]. Периметры обоих флигелей с фундаментами совпадают лишь частично. Отчет зав. музеем в 1995 году констатирует следующее:

"Музейного значения строения не имеют. В одном из них ("кухне") находятся - 1) пост милиции, 2) комната отдыха парковых рабочих на 4 чел., 3) мастерская по ремонту паркового инвентаря, 4) складское помещение, 5) подсобная комната. Отопление печное.

"Людская". Здание восстановлено в 1978 г. Имеет два половины до 10 м² каждая. Используется в летнее время для проживания школьников, работающих на уборке парка. Электричества и отопления не имеется. Здание ветхо. Ввиду того, что проблема вывоза мусора в музей не решена, свалка находится под полом одной из комнат.

"Погреб" - место хранения бензина (для бензопилы)" [35].

Таким образом, специфика музейной деятельности и жизнедеятельность людей практически не были разведены.

По плану - постройки перед домом склад инвентаря и пульт управления артезианской скважиной ликвидируются. Строится одно типологическое здание на старом фундаменте хозяйственной части: административное.

Возвратив Церкви Святогорский монастырь в 1992 г. заповедник вернул и служебную гостиницу.

Перед специалистами была поставлены задача создать элементарные бытовые условия для доброхотов вблизи Тригорского и одновременно вынести место их проживания за пределы экспозиционного пространства. Такая территория за северной границей парка была обжита еще в XVIII в. В настоящее время место это обозначено служебным флигелем.

Организация хранения

Пожарная и вневедомственная охраны в актах обследования не раз отмечали как негативный факт положение ценного по составу экспонатов музея “на отшибе”, отсутствие контроля на его северной окраине.

Кроме того, исходя из практики эксплуатации музеев в сельской местности (в т. ч. Михайловское, Петровское), было признано, что главный хранитель должен находиться при музее максимальное количество времени. Подобный вопрос встал в заповеднике в 1971 г. и был включен в “проект восстановления ландшафтного плодового сада в Тригорском”. В частности, было предложено построить “дом-сторожку”: “одноквартирный, деревянный, щитовой; ставится на северо-западной окраине за бывшим скотным двором Осиповых, на территории, смежной с землею колхоза им. А. С. Пушкина, со стороны дороги, ведущей в парк от деревни Шаробыки” [36]. Это предложение, как и другие, не было осуществлено из-за ограниченности в средствах.

В настоящее время для строительства служебного дома главного хранителя выбрана нейтральная территория вдалеке от экскурсионных маршрутов - за границами парка, также на месте старинной постройки.

Следует особо оговорить, что все постройки возводятся в соответствии с принципами возрождения заповедника, сформулированными в 1946 г. - с учетом “максимального приближения памятников к историческому виду”. Поэтому обе постройки выдержаны в стиле служебных построек XIX в.

Организация труда сотрудников

Планы строительства музея в 1962 г. предусматривали служебную комнату отдыха экскурсоводов. Однако реально все работники музея - смотрители, кассир - оказались сосредоточены в служебной комнате 32 м². Из них 2 м² занимала печь, находившаяся в последние годы в нерабочем состоянии.

Хранитель, научный сотрудник, экскурсовод своих рабочих мест в музее не имели и также пребывали в общей служебной комнате. Следует добавить, что основная экскурсионная работа велась экскурсоводами бюро, которые приходили в музей вместе с группами.

В настоящее время ситуация радикально изменилась: закрыты Пушкиногорское и ряд других экскурсионных бюро. Центр экскурсионной работы постепенно перемещается в заповедник. Меняется состав посетителей и формы обслуживания.

Требуется совершенствования служба хранения парка.

Ввиду этого совершенствуется и организация труда сотрудников.

Дорога к усадьбе, построенная в 1978 г., остается только для служебного транспорта. Въезд перекрывается воротами. Территория парка и прилегающих территорий, имеющих музейное значение, обозначается оградой (типологической).

Восстановлена историческая дорога к усадьбе (проходит параллельно бывшей, но в 20-40 м к северу). Формирование групп и встречи с экскурсоводом происходят у административного флигеля.

Такова внутренняя логика развития Тригорского музея. Практически все решения реконструкции 1996-1997 гг. являются следствием более ранних решений, направленных на охрану и использование ценнейшего памятника нашей культуры.

Естественно, что в ходе подготовки и проведения работ всеми специалистами велась интенсивная научно-исследовательская деятельность. Планы и результаты работ многократно выносились на обсуждение в коллективе и приняты основной частью сотрудников. Внимательно изучались и публично обсуждались мнения оппонентов. Однако, как правило, они не содержали позитивных программ решения проблем, характеризовались стремлением удержать развитие музея в рамках 60-80-х гг., что невозможно в принципе. Не случайно, говоря о заповеднике, С. Гейченко полагал:

“Многое до сих пор не завершено, многое должно быть сделано в ближайшие годы, а кое-что будет сделано и совсем не скоро” [37].

Библиография

1. **Гейченко С. С. Гордин А. М.** Докладная записка в дирекцию ИРЛИ 29. 03. 1947 г.
2. **Васильев-Ушкуйник Ф. А.** Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. с. 66.
3. Проф. **В. Я. Шиперович.** Заключение о Состоянии парковых и лесных насаждений Пушкинского Государственного заповедника. 27 июня 1940 г. ПЗ/КП-4678/57
4. "Комсомольская правда", 29 августа 1944.
5. **Гейченко С. С.** В заповедном парке. // «Ленинский путь» 22. 10. 1954.
6. Письмо С. С. Гейченко - А. И. Поповкину (директору музея "Ясная поляна") - 1960. ПЗ/НА, № 402.
7. **Гейченко С. С.** У Лукоморья. Л., 1981. с. 239
8. **О. Бобровникова, Л. Майстров** "Солнечные часы" Тригорского парка / "Историко-астрономические исследования". М., 1975. вып. XII.
9. **Гейченко С. С.** У Лукоморья. с. 239
10. Письмо С. С. Гейченко - С. К. Милевскому (ин-т "Ленгипроводхоз"). август 1974 ПЗ/НА Д № 1076.
11. **Гейченко С. С.** О восстановлении пушкинского заповедника. // «Ленинский путь». 30. 01.1957.
12. **Гейченко С. С.** У Лукоморья. с. 240
13. ПЗ/НА, Д №134 с. 8.
14. ПЗ/НА, Д №1285
15. Там же.
16. Письмо С. С. Гейченко - Е. Е. Ловчиковой (МК РСФСР), 14 сентября 1988. ПЗ/НА, Д №1908
17. ПЗ/НА, Д №511 т. II с. 12 (акт).
18. ПЗ/НА, Д №2120
19. ПЗ/НА Д №1762. с. 58 (Протокол научного совещания).
20. ПЗ/НА Д №511 т. II. с. 10
21. Письмо С. С. Гейченко акад. Б. Р. Рубаненко (директору Центр. научно-проектного института жилища) от 3 ноября 1982 г. ПЗ/НА, Д №1489.
22. ПЗ Архив Ученого секретаря.
23. ПЗ/НА Д №2068
24. ПЗ, Архив Ученого секретаря.
25. ПЗ/НА Д №2091 с. 5
26. ПЗ Архив природно-ландшафтного отдела.
27. **Симакина Г. Ф.** (зам. директора по научной работе с 1989 по 1995 гг.). Заботы Пушкинского заповедника // "Пушкинский край", 20 авг. 1993. с. 6
28. ПЗ/НА, Д №2068
29. ПЗ/НА, Д №2121
30. Розов Н. (Государственный инспектор областного комитета по охране природы). Музей-заповедник или природно-исторический парк? (Проблемы Пушкиногорья) // "Псковская правда", 11 мая 1994. с. 3.
31. ПЗ, Архив Ученого секретаря.
32. **Гейченко С. С.** Принципы построения ...С. 42-43.

-
33. **Воробьев В.** Тени Михайловских рощ. // «Правда», 11. 10. 1980.
34. ПЗ/НА Д №1435 с. 50.
35. ПЗ, Архив Ученого секретаря.
36. ПЗ/НА, Д №1773 с. 41
37. **Ларионов А.** Заповеди блаженства (Документальная повесть о С. С. Гейченко) М., 1991 с. 74.
Сокращения: ПЗ-Пушкинский заповедника, НА-Научный архив, КП-Книга поступлений.

ДОКУМЕНТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

Бурченкова Р. В.

В начале осени 1917 года в преддверии Октябрьской революции в обстановке повсеместного нарастающего напряжения Псковское Археологическое общество на своем заседании рассмотрело вопрос о судьбе Михайловского и Тригорского.

Была создана комиссия из четырех человек, которая выезжала в пушкинские места Псковской губернии и представила свои заключения. Этот интересный документ находится в Архиве Академии наук и прежде не публиковался. В документе сказано: “В историческом значении оба имения надлежит признать равноценными: если Михайловское имеет большое значение, потому что было собственностью Пушкина, и в нем протекли 2 года его изгнаннической жизни, то и значение Тригорского должно быть не менее важным, ибо с Тригорским поэт был связан духовно (...) Здесь, а не в Михайловском он проводил свои досуги, и тогдашние обитатели Тригорского заменяли поэту родную семью и были его лучшими и искренними друзьями в течение всей его жизни.

На всякого посетителя этих мест Тригорского производит даже большее впечатление, нежели Михайловское. В Михайловском от времен Пушкина остались лишь домик няни Арины Родионовны, да старинный парк, между тем как Тригорского представляет собою своего рода Пушкинский музей, в котором каждый предмет связан с именем великого поэта. Тригорское сохранилось почти в полной неприкосновенности и само по себе, даже помимо своей связи с Пушкиным, заслуживает быть сохраненным в настоящем своем виде, как редкий и типичный

образчик исчезающих повсеместно старинных дворянских усадеб первой половины прошлого века”.

Потомки владельцев Тригорского, в свою очередь обеспокоены судьбой Голубова - имения Б. А. и Е. Н. Вревских, где Пушкин бывал неоднократно в гостях у своей старой приятельницы Евпраксии Николаевны. В связи с тем, что страховка не защищала от погромов, Вревские хлопочут об “охранной грамоте” для своего имения через Академию наук и просят Псковское археологическое общество оказать содействие и прислать “стражу в лице двух-трех казаков”.

В архиве Академии наук сохранилось трагическое письмо от 14 сентября 1917 года из семейной переписки Вревских. Одна из родственниц, будучи в гостях у Софьи Борисовны Вревской (дочери Евпраксии Николаевны Вульф), пишет из Голубова, что “Софи (...), получив в пожизненное владение Голубово, очень озабочена сохранить в целости обстановку дома и архива, так как то и другое по словам Б. Л. Модзалевского представляют большую историческую ценность в связи с памятью Пушкина”.

Здесь же, в архиве Академии наук, сохранились документы, касающиеся сохранения памяти Пушкина в Малинниках. Сохранились снимки дома и комнат, где гостил А. С. Пушкин. Снимки сделал П. Ю. Шмидт в 1914 году на трех фотоснимках изображен интерьер комнат, на остальных четырех - внешний вид дома.

Здесь же находится обращение в Академию наук Инны Степановны Понофидиной - последней владелицы Малинников, щедрой дарительницы Пушкинскому дому Академии наук вещей и книг, связанных с именем Пушкина.

Она сообщала, что живет в Малинниках с глухонемой дочерью, но местные власти угрожают их выселить из дома. Она просит передать дом в ведение Академии наук и защитить от выселения.

Последний культурный след пушкинского времени - усадьбы его друзей, вещи, окружение, эта ниточка, связующая культуру двух веков, была необратимо порвана в кровавых сполохах Октябрьской революции. В 1918 году этих имений, связанных с пребыванием там великого поэта, уже не существовало. Материалы тех горьких лет долгое время опубликовать не было возможности.

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПУШКИНУ ОБИТАТЕЛЬНИЦ ТРИГОРСКОГО

Васильев М. Е.

Семья Осиповых-Вульф занимает одно из первых мест в календаре деревенских знакомых А. С. Пушкина. Более верно будет, если назовем эту семью в числе лучших друзей поэта.

Екатерина Ивановна - самая младшая из Осиповых-Вульф. Когда поэт приехал в ссылку, Кате шел всего второй год. Она не была собеседницей Пушкина во время его дружеских бесед в тригорском доме, но тем не менее это имя занимает не последнее место в биографии поэта, ибо именно ей с сестрой Марией Ивановной довелось присутствовать на похоронах поэта. Несомненно и то, что в памяти Екатерины Ивановны отложилось многое из рассказов о Пушкине, слышанных от старших сестер и матери Прасковьи Александровны.

В записи В. Острогорского 1898 года находим: "Как видно, она вся живет в прошлом, а все, что относится до Пушкина и Тригорского, для нее в жизни самое дорогое".

Известно, что родилась она 17 июня 1823 года в Тригорском от второго брака П. А. Осиповой-Вульф. В письмах А. С. Пушкина имя Е. И. Осиповой упоминается дважды. 1 августа поэт из Михайловского в Ригу П. А. Осиповой сообщает: "...Я только что вернулся от вас: малютка совсем здорова и встретила меня самым любезным образом". Второе письмо тоже Прасковье Александровне из Михайловского в Ригу 11 августа

того же года "...еще сегодня был в Тригорском. Малютка вполне здорова и она прехорошенькая..."

В переписке родителей А. С. Пушкина с дочерью Ольгой Сергеевной имя Е. И. Осиповой встречается в письмах 1829 года. Письмо Н. О. Пушкиной от 23 июня характеризует Катеньку в шестилетнем возрасте: "...Маленькая Катенька очаровательна и очень ко мне привязана: когда я сказала ей, что уеду жить в Михайловское, она принялась плакать ...такая заброшенная". В письме Сергея Львовича к Ольге Сергеевне от 20 августа 1829 года говорится: "Знаешь ли, что я очень часто маленькую Катеньку - зову Оленькой и потом спохватываюсь. Прошло, однако, порядочно времени с тех пор, как ты была в ее возрасте ..."

В характеристике, данной В. П. Острогорским, находим: "...Екатерина Ивановна с первого взгляда внушает к себе полное уважение, и видом, и манерами, и образованием, напоминая тип хорошего старинного, барского домашнего воспитания в достаточной порядочной семье".

В 1841 году Екатерина Ивановна выходит замуж за офицера Виктора Александровича Фока. Хотя Прасковья Александровна очень противилась этому браку. "Маменька объявила Катеньке, - пишет Евпраксия Николаевна 18 июня 1841 года, - что она намерена ему (Фоку М. В.) в сватовстве отказать, и та так плачет, что на нее тяжело глядеть. А что забавно, что покамест маменька не придумала другой причины как той, что до Фокова предложения она всегда была так спокойна, а с тех пор на все встревожена и что она хочет вотворить опять то же спокойствие. Катенька не так проста, чтоб не понять в этой причине одно себялюбие".

Екатерине Ивановне принадлежало, в качестве приданного сельцо Батово на Лысой Горе, куда она и перенесла память о поэте из отчего дома. Оно находилось в двух верстах от Тригорского. Сельцо это было небольшое (всего 219 десятин) на правом крутом живописном берегу реки Великой, окруженной рощами. К. А. Тимофеев, посетивший могилу Пушкина и Михайловское в 1859 году, о Лысой Горе пишет: "Действительно вид на Великую под деревней Селихново - очень хорош. Мы своротили на мост; справа крутым поворотом шла к нам Великая река, при наступивших сумерках вода чернела от густого высокого леса по обоим берегам, которые отлогими, небольшими лучами сходят от леса к воде и окаймлены, удивительно симметрично, нависшими в воду 'раки-тами..."

Жила Екатерина Ивановна с мужем в Валдае, Торжке, Севастополе, Оренбурге, Уфе, Нижнем Новгороде и, возможно, на этом перечень не закончен . . . Точно не установлено, сколько было у Фоков

детей. Сыновей же четверо: Михаил, Николай, Алексей и Александр. Известно, что Александр Викторович Фок - это тот самый Фок, которому довелось в чине штабс-капитана 15 июня 1877 года на глазах Драгомирова заслужить Георгиевский крест при славной Зимницко-Систовской переправе, а впоследствии выдержать трагически окончившееся сидение в Порт-Артуре. В конце жизни судьба опять забрасывает его в Болгарию, где и доживал он свой век, будучи хранителем могил русских героев в Плевне, павших за освобождение Болгарии.

В конце 60-х годов в Варшаве произошла встреча псковича, подпоручика гвардейской конной артиллерии Леонида Александровича Яновича с Александром Викторовичем Фоком, сыном Е. И. Осиповой-Фока. Интересна в описании Яновича внешность А. В. Фока: "...Его мать была женщиной редкой красоты, он ее очень напоминает правильностью черт овальности лица, - жаль только, что у него цвет лица темный, оливковый, она была белая; с большим хорошим, нежным румянцем ..."

Сходное в оценке, но более подробное описание внешности и черт характера Е. И. Осиповой дается и В. Острогорским: "Малютка" осталась приветливейшей и любезнейшей до старости ...Очень благородная, сохранившая еще следы замечательной когда-то красоты. . . Худая, высокая, с блестящими умными глазами и выразительным лицом, она, говорят, прихварывает, но еще здорова настолько, что совершает часто одна большие поездки и ежедневно по целым часам одна гуляет в своей прекрасной роще. Она сохранила вполне память, ясность мыслей и тонкий ум в оценке людей, которых определяет очень метко и прекрасно говорит, оставляя в собеседнике самое приятное впечатление".

По рассказам внучки Екатерины Ивановны Натальи Алексеевны Ишутиной, проживающей в Москве, ее бабушка была не просто очень красивая, а и добрейшая и замечательная рассказчица. Особенно любила рассказывать о Пушкине и Тригорском.

Прожила Екатерина Ивановна Осипова-Фок до 86 лет. В течение нескольких последних месяцев своей жизни Екатерина Ивановна жила в слободе Тоболенец, в доме Столяровых. По рассказам старожилов она часто ходила в Святогорский монастырь - к месту последнего пристанища "земного Пушкина". Умерла Е. И. Осипова-Фок весной 1909 года. В журнале "Исторический вестник" за октябрь 1909 года находим: "Весной этого года "сошла под вечные своды" последняя из современных Пушкину обитательниц Тригорского Дома Екатерина Ивановна Фок, урожденная Осипова".

Из рассказов старожилов (документальных свидетельств пока не обнаружено) похоронена Е. И. Осипова-Фок на городище Воронич у бывшей Георгиевской церкви, у алтаря отдельно.

От существовавшей когда-то усадьбы на Лысой Горе, над кручами реки Великой, напоминает затерявшийся в зарослях бузины и малиника каменный фундамент обширного барского дома, сгоревшего во время погромов в 1918 году.

Группа старых лип образует зеленую беседку, за липовой аллеей - полузаросшие пруды. Сохранилась и старая дорога, соединявшая усадьбу с Тригорским - отчим домом Екатерины Ивановны Осиповой, в которой свято хранилась память о поэте.

**СЕЛЬЦО
БАТОВО -
ЕЛИЗАВЕТИНО
И ЕГО
ОБИТАТЕЛИ**

(к родословным связям
Тригорского)

Никифоров В. Г.

Если ехать за Пушкинские Горы по дороге на деревню Луговку, промчаться по Дериглазовскому мосту, через деревню Блажи (а как известно, через Блажи дорога глаже), повернуть на Беляи, то эта северо-восточная дорожка приведет нас к еще сохранившимся фундаментам построек бывшего имения БатОВО-Елизаветино. В 1814-1816 годах на берегу живописного озера его построил дядя А. С. Пушкина Яков Исаакович Ганнибал. Он был женат на старшей сестре доброго друга поэта П. А. Осиповой-Вульф Елизавете Александровне Вындомской и эта часть имения Тригорского досталась по наследству их детям.

Как известно у Александра Максимовича и Марии Аристарховны (урожденной Кашкиной) Вындомских было пятеро детей¹; четыре дочери: Анна (1775-1780), Елена (1778-1780), Елизавета (1779-?), Прасковья (1781-1859) и один сын Григорий (1785-1795). Александр Максимович на 22 года пережил свою жену. Барон Павел Александрович Вревский вспоминал: "В семейной жизни он (А. М. Вындомский - В. Н.) испытал немало горя, рано потеряв жену и трех из пяти детей. Единственный его сын Григорий, младший из всех детей и последний мужской отпрыск младшей ветви Вындомских умер в 1795 году и

погребен в Тригорском. Из четверых дочерей умерли в детстве обе старшие”.² Младших Елизавету и Прасковью кончина матери “постигла еще девочками”. Анна Петровна Керн писала П. В. Анненкову: “... они росли и воспитывались под надзором строгого и своенравного отца Александра Максимовича Вындомского. Елизавета, увлеченная сердцем, вышла против желания отца за Ганнибала (отсюда я понимаю их сближение с семейством А. С. Пушкина). Она бежала из дома родительского. Он не мог ее простить и лишил наследства, отдав все Прасковье Александровне Вульф, после смерти отца, Прасковья Александровна разделила имение (состоявшее из 1200 душ), на 2 равные части и поделилась им с сестрою. Скажите, многие ли бы это сделали? У Прасковьи Александровны было тогда пятеро детей, у той только двое.”³.

Анна Петровна Керн допускает здесь три неточности. Во - первых, она, очевидно, не знала, что отец А. М. Вындомский не лишил дочь наследства. Он отдал ей свою часть земли, доставшуюся ему после смерти жены в Егорьевском уезде Рязанской губернии. Из Тригорского имения он действительно не выделил ей ничего, считая, очевидно, ту часть земли достаточной для жизни. Во-вторых, Прасковья Александровна после смерти отца “поделилась” имением не с сестрою. Елизавета Александровна к этому времени умерла.⁴ В-третьих, “не поделилась”, а обязана была по закону отдать часть имения детям сестры, своим племянникам.

Более верно об этом говорит Алексей Николаевич Вульф: “... У него-то (у Александра Максимовича Вындомского) я провел первые лета моего детства; он меня очень любил и, естественно, ибо я был старшим сыном его единственной дочери (он имел еще одну дочь, вышедшую замуж за Ганнибала против его воли). Она вскоре умерла, оставив одну дочь и сына”⁵. И далее: “... если и верно, что Александр Максимович Вындомский не мог простить дочери Елизавете брака с Ганнибалом, то он все-таки отказал в пользу ее, наравне с младшей своей дочерью, от следовавшей ему части наследства их матери”.⁶ Документы рязанского архива подтверждают слова А. Н. Вульфа.

Что нам известно о Ганнибале, за которого не хотел выдать дочь А. М. Вындомский? Яков был старшим из 15 детей Исаака Абрамовича Ганнибала, сына “арапа Петра Великого”. Родился он, как становится известно из документов Рязанского депутатского дворянского собрания, в 1777 году.⁷ В его послужном списке сказано: “... В службу вступил в Морской кадетский корпус кадетом - 1790 марта 4 дня; гардемарином - 1791 мая 1; в науках пожалован гардемарин-капралом -

1792; капралом - 1793 мая 1; По окончании наук... выпущен во флот в мичманах в поход - 1793 января 1 дня; На кораблях в Балтийском море был - 1791 по 1796.”⁸

Для неудовольствия Вындомского, очевидно, были две главные причины - бедность жениха и его молодость. Немалое имение его отца в результате “бесхозяйственности и беспечности” пришло в упадок. Было продано имение Тайцы под Петербургом. В 1790 году пришлось заложить и псковское Воскресенское.⁹ В послужном списке отмечено, что Яков Исаакович родового имения не имеет. Ему было 19 лет, когда он женился. По обычаю того времени мужчины обзаводились семьей после 30 лет, когда приобретали положение, чины, материальный достаток. Яков же Исаакович был мичманом, служил, очевидно, в Кронштадте, снимал комнату...

Молоденький гардемарин, приехав в отпуск, своим необыкновенным обликом, веселостью, остроумием пленил сердце провинциальной барышни и увез ее в Петербург от строгого надзора отца в 1796 году. Вспомним слова А. П. Керн: “... она бежала из дома родительского”. А. М. Вындомский был в ярости. Он требовал, чтобы дочь вернулась, грозил лишить наследства. 27 сентября 1797 года у супругов в Петербурге родился сын. В деле о внесении дворян Ганнибалов в дворянскую родословную книгу имеется запись: “... в метрической книге Сергиевского всей артиллерии собора под № 141 записано таким образом: Морского флота мичмана Якова Ганнибала сын Александр родился 27 сентября 1797 года; Восприемниками были: отставной полковник Александр Вындомский и надворного советника Михаила Ефросимова жена Параскева Андреева”.¹⁰ Сына назвали в честь деда Александром. Вот когда растаяло сердце Вындомского. Он сам крестил внука, а со стороны Ганнибалов была только сестра бабушки.

Через год после рождения сына Яков Исаакович выходит в отставку. Заполняя свой послужной список, (см. выше) он пишет: “... за болезнью моею по просьбе Его Императорским Величеством отставлен с повышением чина лейтенанта и с ношением мундира - 1798 год”. Сразу после отставки переехала его семья в Рязанскую губернию или через несколько лет - неизвестно.

В 1802 году город Егорьевск получил статус уездного.¹¹ По представлению рязанского гражданского губернатора и “по резолюции Правительствующего Сената” Яков Исаакович был определен в город Егорьевск городничим. Гражданским губернатором Рязани с 1801 по 1806 год был брат известного адмирала Шишков Дмитрий Семенович. При подборе кандидатуры на пост городничего он отдал предпочтение пле-

мяннику героя Чесмы и Наварина, хотя тому было всего 25 лет от роду и он уже был вдов. В 1800 году у Якова Исааковича родилась дочь, но умерла жена. В списке о службе городничего Ганнибала 1802 года, о котором мы упоминали, графу “женат ли, имеет ли детей, кого именно...” он заполнил так: “... вдов, имею детей: сына Александра, пяти лет, да дочь Евгению, двух лет”.

В дворянских списках губернского депутатского собрания записано: “Ганнибал Яков Исаакович, от роду имеет 29 лет, вдов, имеет сына Александра, 9 лет и дочь Евгению, 5 лет, которые при мне находятся. Имение имеет в Рязанской губернии, в Егорьевском уезде из 200 душ седьмую часть, доставшуюся по наследству от жены его. Жительство имеет в г. Егорьевске, в должности городничего.”¹² Из этого документа мы тоже узнаем новые сведения о дяде А. С. Пушкина. Во-первых, по известной дате рождения сына Александра вычисляем дату рождения отца, который старше сына на 20 лет. Не совпадает, правда, дата рождения дочери Евгении с датой в служебном списке, но мы не знаем месяц рождения ее и месяц заполнения дворянского списка данными Ганнибала, но зато ясен год - 1806. Это значит, что Яков Исаакович Ганнибал был городничим г. Егорьевска, по крайней мере, с 1802 по 1806 год, а не 1802-1803 гг., как указано в “Летописи историко-родословного общества.”¹³ Далее, в фонде Рязанской губернской межевой конторы имеются сведения, что “село Николаевский круг Егорьевского уезда с деревнями Саламаево-Пешково и Поцелуево в 1808 году находилось во владении малолетних Александра Яковлевича и Евгении Яковлевны Ганнибал”.¹⁴ Очевидно, это то имение, которое “отказал” непослушной дочери Александр Максимович Вындомский. Почему же его передал своим малолетним детям Яков Исаакович, получивший имение по наследству от покойной жены? Может, потому, что у него к этому времени были еще дети, как сообщает в примечаниях “Летопись”: “... от своей крепостной (Яков Исаакович Ганнибал - В. Н.) имел двух дочерей, не носивших фамилию отца, Любовь Яковлевну, бывшую за мичманом Нееловым, помещиком и Надежду Яковлевну - за офицером Пешковым.”¹⁵

Как становится известно из статьи Г. Ф. Симакиной, Любовь Яковлевна родилась в 1806 году, вышла замуж за своего троюродного брата Николая Павловича Неелова (она - внучка Исаака Абрамовича, он - внук Анны Абрамовны). В 1824 году они жили у двоюродного деда Петра Абрамовича Ганнибала в деревне Сафронтьево Новоржевского уезда.¹⁶ Может быть, в 1808 году родилась и Надежда Яковлевна. Яков Исаакович поспешил передать законным детям наследственную землю,

а незаконным не дал не только свою фамилию, но и никакого наследства?!

В 1813 году умер Александр Максимович Вындомский и его имение по закону должны были поделить наследники. Ими являлись: дети старшей дочери малолетние Александр и Евгения Ганнибалы и младшая дочь Прасковья Александровна Вульф. Вындомскому принадлежало два имения - благоприобретенное, состоящее из 325 душ мужского пола и наследственное - Тригорское. Благоприобретенное по завещанию досталось П. А. Вульф, а наследственное было взято, под присмотр опочечкой дворянской опеки "по случаю малолетства наследников". Прасковья Александровна "не желая быть под распоряжением опекуном" решила "полюбовно" разделить имение с Яковом Исааковичем Ганнибалом, опекуном своих детей. "Полюбовный раздел" совершен в псковской палате Гражданского суда в июне 1814 года.¹⁷

Выясняется еще одна неточность в воспоминаниях А. П. Керн. Ссылаясь на нее, Мальцева Т. Ю. пишет: "... после его (А. М. Вындомского - В. Н.) смерти в 1813 г. ее сестра П. А. Осипова по своей воле выделила ей части доставшегося ей отцовского имения - сельцо Батово, которое в ее честь стало называться так же Елизаветиным и сельцо Вече с деревнями."¹⁸

Батово и Вече не были сельцами. Это были крестьянские деревни. По разделу деревня "Бобровки, Батово тож" и еще 20 деревень отошли к племянникам. Деревня Ветши, впоследствии Вече, в числе других тридцати - к Прасковье Александровне Вульф (она еще не была Осиповой). Ни о каком дарении речи не идет. Правда, "по доброжелательству" к племянникам Прасковья Александровна из благоприобретенного имения (какого именно мы не знаем) 90 душ оставила себе, а остальные 235 "поставила в раздел". Имение действительно было поделено на 2 равные части. Сравните - у П. А. Вульф земли - 4376 десятин, у племянников - 3668. Крестьян мужского пола у нее - 642 души, у тех - 550 душ. Как рачительная хозяйка, Прасковья Александровна долги отца тоже поделила между наследниками. Сама обязалась выплатить Государственному Заемному Банку и разным "партикулярным лицам" - 38865 руб., малолетние Ганнибалы - 33425 руб.

После раздела Яков Исаакович выбрал красивое место на берегу озера и приступил к строительству усадьбы. Он назвал свое имение Елизаветино в память о жене. Сам, похоже, здесь не жил, все дела вел управляющий. В 1816 году за "коллежским асессором Яковом Исааковичем Ганнибалом, сыном его Кавалергардского полка штаб-

юнкером Александром и дочерью его девицею Евгениею числилось в сельце Елизаветине и в деревнях 502 души муж. пола 498 душ жен. пола.”¹⁹

Приехав после окончания Лицея летом 1817 года в Михайловское, А. С. Пушкин, знакомясь с многочисленными псковскими родственниками, наверное, побывал и в Елизаветине. Был уже построен деревянный трехэтажный дом, хозяйственные флигели, посажен фруктовый сад. Парка, очевидно, не было - рядом сосновый сказочный лес.

Когда подросли дети Якова Исааковича и дочь Евгения вышла замуж, имение было поделено между ними.

Евгения Яковлевна Ганнибал, как сообщает Мальцева Т. Ю. “постоянно жила в Петербурге”. Очевидно, там она “вышла замуж за опочечкого помещика Александра Адамовича Глаубича”. Возможно, это произошло в 1822 году. Невесте было 22 года, жениху - 31. Через год у Глаубичей родился сын Валериан. Об этом говорит Аттестат Александра Адамовича: “... Предъявитель сего полковник Александр Адамов сын Глаубич, 36 лет”. Здесь он назван дворянином Псковской губернии, но в документе о занесении его сына в дворянскую родословную книгу Глаубич пишет: “... а как я первоначально записан в таковую же часть (шестую) родословной книги Витебской губернии...” Значит, он происходит из Витебских дворян, а опочечким стал после женитьбы на Евгении Яковлевне Ганнибал. Аттестат далее говорит: “... в службу вступил подпрапорщиком в 1806 году в 1 Морской полк; в оном портупей-прапорщиком - 1809; подпоручиком - 1810, во 2-м Морском полку; капитаном - 1817; майором - 1818; подполковником - 1819; переведен в 4 Морской полк - 1821; был уволен от службы за болезнью тем же чином - 1822; Принят на службу тем же чином в 3 батальон Гвардейской Фурштадской бригады - 1824 апреля 5; утвержден батальонным командиром этого же года июня 9. Вдов, имеет сына Валериана 4 лет. К повышению аттестован достойным. С 1826 года апреля 12 по Высочайшему Его Императорского Величества приказу уволен от службы за болезнью полковником и с мундиром...”²⁰ Подписал Аттестат генерал от инфантерии, командующий 1 армией граф фон Сакен. Даты нет, но зная возраст Валериана и дату его рождения находим - 1827 год. Дату же рождения сына подтверждает Свидетельство, выданное Псковской Духовной Консисторией 14 января 1835 года: “... по метрической города Порхова Троицкой Соборной церкви книге рождение от законного брака и крещение его Валериана, тысяча восемьсот двадцать третьего года апреля третьего записано так: опочечкого уезда села Елизаветина у отставного полковника Александра

Адамова Глаубича с женой его Евгениею Яковлевой родился сын, ему имя наречено Валериан... Восприемниками были порховский помещик Семен Исааков Ганнибал и порховская помещица дочь девица Александра Исаакова Ганнибалова..."²¹.

А. А. Глаубич был участником Отечественной войны 1812 года. Известный нам Аттестат рассказывает: "... находился в Российских пределах против французских войск, в преследовании неприятеля за границу. За участие с полком имеет серебряную медаль на голубой ленте. В 1813 году с января 2 в Пруссии при блокаде г. Данцига; 26 при взятии на капитуляцию г. Пиллау; февраля 21 - в сражении под г. Данцигом; марта 22 при напряженной вылазке; мая 28 и с августа 1 в перестрелках; 20, 21, 22, 23 - в сражениях и при занятии укрепления Штамзендорфа; с 23 в перестрелках при производстве траншейных работ. В 1815 году апреля 24 - вторично в походе через Польшу, Пруссию, Силезию в Саксонию до г. Цвикау и оттуда обратно в Россию. В штрафах и под судом не бывал".

Похоронив жену, выйдя в отставку, Глаубич поселяется в Елизаветине, воспитывает сына, занимается хозяйством. Он часто бывает в Тригорском, поддерживая неизменно добрые отношения с Прасковьей Александровной и всей ее семьей. В летние месяцы навещает отдохавших в Михайловском Пушкиных. Они делают ему ответные визиты. В годы михайловской ссылки А. С. Пушкин, видимо, также бывал в Елизаветине, а в Петербурге Глаубич навещал поэта. В переписке они не состояли, но в письмах родителей А. С. Пушкина из Михайловского к дочери Ольге Сергеевне они часто сообщают о Глаубиче. Так например, Надежда Осиповна 20 сентября 1829 года пишет дочери: "... у нас погода тоже испортилась и многим помешала быть у нас 17-го (день именин Н. О. Пушкиной)... Рокотов, он провел у нас два дня... потом Глаубич..."²² Очевидно, он был один, а 9 октября 1832 года праздновали в Голубове новоселье. Надежда Осиповна рассказывает об этом дочери в письме, а Борис Александрович Вревский, муж Евпраксии Николаевны Вульф и хозяин имения, записал в своем дневнике: "9 окт. приехали к нам на новоселье Глаубичи..."²³ уже во множественной числе. Сергей Львович 24 октября 1832 года пишет Ольге Сергеевне: "... Позавчера у нас обедал Вревский, вчера г-жа Глаубич..."²⁴ Кто это? Комментатор указывает "Глаубич Е. Я. ", но мы знаем, что Евгения Яковлевна умерла до 1827 года. Может быть, это - вторая жена Александра Адамовича Глаубича? Но пока никаких сведений о втором браке А. А. Глаубича мы не нашли.

Знакомый Пушкина, порховский помещик Николай Алексеевич Лавров в письме от 15 июля 1836 года, выражая поэту благодарность за журнал "Современник", напоминает о своем визите и пишет о Глаубиче: "... Он (Н. А. Лавров -В. Н.) имел счастье говорить с вами о многом . . наконец, об общем знакомце Глаубиче, с которым вы, отъезжая в Святые Горы, надеялись увидеться... окончив очаровательную беседу, он встал со стула, но только так ловко, что чуть было вместе с ним не ударил вам челом о сыру землю за милостивый прием".²⁵ Лавров пишет с иронией, но эти строки говорят о чувстве большого уважения Глаубича к поэту. Полагаем, что Пушкин увиделся с Глаубичем в Петербурге и тот по-родственному помог ему в похоронах Надежды Осиповны. И когда сопровождавшие тело убитого на дуэли поэта в Святогорский монастырь завернули в Тригорское, Прасковья Александровна, несомненно, послала в Елизаветино кого-то из дворовых сообщить А. А. Глаубичу трагическую весть. Ранним утром 6 февраля 1837 года вместе с теми кого мы знаем, хоронил А. С. Пушкина и Александр Адамович Глаубич.

Александр Яковлевич Ганнибал был военным. Он прослужил только три года с 1815 по 1818 год. В отставку вышел юнкером Владимирского уланского полка. Когда ему исполнилось 30 лет, он женился на Александре Егоровне Юреновой. Ее отец потомственный псковский дворянин Егор Андреевич Юренев, предку которого "лучанину" (житель Великих Лук) Игнатию Степанову была дана "Грамота на жалованные имения в роды и роды царем и Великим князем Алексеем Михайловичем за многие его службы". Сам Егор Андреевич в службу вступил "фурвером в 1784 году июля 10; выпущен в Армию в Курский Мушкетерский полк подпоручиком в 1797 генваря 17; октября 26 того же года по прошению его от службы уволен..."²⁶ Известно, что у Александра Яковлевича и Александры Егоровны было четверо детей, сыновья: Георгий р. в 1832 г., Александр р. в 1834 г., дочери: Елизавета р. в 1831 г. и София род. в 1833 г. ²⁷ Все они родились в Великолукском имении Юреневых Назимове, крещены в Великолукском 2-м Богоявленском соборе, София - в Покровской церкви погоста Назимово. Очевидно, жил Александр Яковлевич в имении жены и владел частью имения Елизаветино, которая принадлежала ему по разделу. В 1834 году большую часть этих владений его вдове пришлось продать за долги".²⁸ Умер Александр Яковлевич в марте 1834 года. Ходатайствуя о занесении детей в дворянскую родословную книгу, его жена писала: "... после смерти мужа моего корнета Александра Яковлева Ганнибала, последовавшей в марте ме-

сяце 1834 года, остались малолетние дети..."²⁹ Похоронен он в селе Назимове Великолукского уезда³⁰.

Как мы помним из летописи историко-родословного общества, у Якова Исааковича Ганнибала были еще две внебрачные дочери: Любовь Яковлевна и Надежда Яковлевна. Любовь Яковлевна вышла замуж за мичмана Неелова Николая Павловича, помещика. О ней мы ничего не знаем (см. выше), кроме кое-каких сведений. Как известно, старшая дочь Абрама Петровича Ганнибала Анна Абрамовна (1741 - ?) вышла замуж за Семена Степановича Неелова (1714-1781), инженер генерал-майора, служившего при конторе по строительству Кронштадского каменного канала.³¹ Сколько у них было детей, пока точно неизвестно. Мы обнаружили следы четверых. Две дочери: Екатерина Семеновна и Христина Семеновна, о которых в письмах к дочери упоминает Надежда Осиповна Пушкина³² и два сына: Петр Семенович, майор и Павел Семенович, инженер-подпоручик.³³

У Павла Семеновича и его жены Анны Николаевны было трое сыновей: Семен Павлович, р. в 1794 г., Александр Павлович, р. в 1795 г. и Николай Павлович, р. в 1797 г.³⁴ Все они в 1808 году поступили в Морской кадетский корпус. При поступлении указали, что за их матерью в Великолукском уезде "состоит 24 души".³⁵ Николай Павлович окончил Морской кадетский корпус с производством в мичманы в 1818 году, а "22 апреля 1819 года уволен от службы".³⁶ Как мы помним по статье Г. Ф. Симакиной, в 1824 году он с женою Любовью Яковлевой жил у Петра Абрамовича Ганнибала в селе Сафронтьеве. Детей у них не было, но, очевидно, в конце 20-х годов родилась дочь Надежда, названная в честь сестры, а в 1831 году появился сын Модест.³⁷ В прошении о занесении дочери и сына в Дворянскую родословную книгу в 1835 году Николай Павлович называется помещиком села Сафронтьева Пятницкого прихода Новоржевского уезда. Петр Абрамович Ганнибал оставил в наследство свои деревни или они были куплены Нееловым - это интересно выяснить. В конце прошения Н. П. Неелов написал: "Жительство имею в г. Острове Псковской губ."³⁸ Модест Николаевич так же окончил Морской корпус, служил на Балтике, потом на Черном море. В 1854 году состоял в гарнизоне Севастополя, защищал его на Корниловском бастионе, был контужен в голову. Скончался 11 мая 1855 года.³⁹

Вторая дочь от "дворовой девушки" Якова Исааковича Ганнибала Надежда вышла замуж за офицера Пешкова. В Псковском государственном архиве хранится послужной список Емельяна Алексеевича Пешкова, городничего г. Острова, составленный в 1836 году. В графе "же-

нат ли, имеет ли детей” - сказано: “женат на дочери коллежского асессора Ганнибала Надежде Яковлевне, детей не имеет”... В “Летописи” говорится, что эти дочери не носили фамилию отца, чью же тогда фамилию они носили? Емельян Алексеевич “происходит из солдатских детей”, родился в 1790 году, т. е. ему было от роду 46 лет. В службу вступил рядовым в Новоингерманландский пехотный полк. В 1807 году произведен в унтер-офицеры, через год - в фельдфебели, в 1815 году стал подпоручиком, в 1823 - поручиком. Уволился от службы капитаном на инвалидное содержание с мундиром в 1828 году, но через два года вновь вернулся на службу и был зачислен поручиком в Принца Мекленбургского полк. В 1833 году “уволен от службы за болезнью с награждением чина капитана с мундиром и пансионом полного жалования по 690 руб. в год... По указу Псковского губернского правления определен в город Остров для исправления городнической должности, в которую и вступил в 1834 году июля 12 дня”.⁴⁰ Е. А. Пешков принимал участие в войне с Турцией 1809-1810 годов, в Отечественной войне 1812 года. Он сражался под Смоленском и Бородино, Малым Ярославцем и Красным. Дважды совершил поход во Францию и только в ноябре 1818 года вернулся в Россию, имел серебряную медаль в память войны 1812 года и за взятие Парижа. Как проявил себя на посту городничего Емельян Алексеевич, мы пока не знаем. Какие сложились отношения между детьми Я. И. Ганнибала и их семьями, мы тоже точно не знаем, но думаю, если не родственные, то вполне дружественные. Все они жили на псковской земле и, наверное, было время, когда все собирались в Елизаветине за большим праздничным столом и было много разговоров “о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне...”

В филиале псковского архива в г. Великие Луки нами обнаружен “Специальный Геометрический план имения Батово, Елизаветино тож”, владения полковника Александра Адамовича Глаубича и сына его прапорщика Валериана Александровича Глаубича. Ситуация снята в 1855 году августа 11 дня... План рассказывает: “... по нынешний меже и по исчислению состоит земли: пашенной - 28 дес., сеного покоса - 40 дес.,... дровяного леса - 20 дес., под селением - 4 дес. А всего во всей окружной меже земли - 300 дес. На сем числе в поселении сельца Батова, Елизаветино тож, в коем господский дом, в нем по последней ревизии дворовых людей муж. пола одна, жен. пола одна душа.”⁴¹

Северная граница земельных владений Глаубичей проходила по берегу речки Туловец, (ныне не существует) протекавшей с востока на запад. За речкою - земли дачи деревни Подолье, владение капитана

Василия Герасимовича Сумороцкого и пустошей Решетовой, Сидоровой и Журавкино, принадлежащие коллежской асессорше Анне Ивановне Львовой. С юго-западной стороны из деревни Щукиной шла дорога через мост на речке Туловец в деревню Подолье.

На востоке имение граничило с землями пустошей, владельцами которых были Ефим Котельников, Самуил Тарачков, Афанасий Сысоев.

Южные земли Глаубичей шли рядом с пустошью Чертовой, владение А. И. Львовой, потом неширокой полосой вдоль речки Венки, впадавшей в Великую, спускались на юго-запад к землям имения Тригорского, граница образовывала круг с неровными краями и по западной стороне, соприкасаясь с землями Александры Егоровны Ганнибал (жены Александра Яковлевича), поднималась на север, замыкаясь снова речкой Туловец.

Александр Адамович Глаубич умер в начале 60-х годов и имение перешло к его сыну Валериану. В 1864 году в газете "Псковские губернские ведомости" появилось объявление о продаже имения Батово-Елизаветино за долги. Оно было повторено и 20 августа 1865 года: "... назначено в продажу с публичного торга . . на срок до 22 января 1866 года... - недвижимое имение, принадлежащее поручику Валериану Александровичу Глаубичу, состоящее во 2 стане Опочецкого уезда и заключающееся в сельце Батово, Елизаветино тож и деревнях: Леонкове, Орлы, Лазовки, Васюткине, Ульянинкове, Маслове и Цыбатове, в коих землях разных угодий всего вообще 1717 десятин 2053 сажени. Означенная земля состоит в одной окружной земле и принадлежит одному владельцу описанного имения; через полосного владения в оных нет. В означенном имении находятся строения, а именно: а) господский дом, деревянный 14 саж. длины и ширины 8 сажень, трехэтажный на каменном фундаменте; б) баня, длиною 5 и шириною столько же саж., крыта тесом, не совсем ветхая; в) три амбара, длиною 5 и шириною 5 саж., крыты соломою, ветхие; г) два флигеля, деревянные, крыты соломою, длиною 8 и шириною 3 саж. ветхие; д) гумно каменное, крытое соломою, длиною 25 саж., шириною 4 саж., с двумя рьями, крыты соломою; е) две деревянные пуни, каждая 10 саж. длины и 3 саж. ширины, ветхие, крыты соломою; ж) каменные мшаник и ледник, крыты соломою, длиной 5 и шириною 4 саж. ; з) два скотных двора, каменные с семью хлевами, длиною 15, шириною 10 саж., крыты соломою; и) две деревянные конюшни и сарай, длиною 11 саж. и шириною 3 саж., ветхие, крыты соломою; i) каменная кузница, крыта тесом, длиною и шириной 3 саж. и к) фруктовый сад, в котором до

300 дерев: яблонь, груш, мозели (немецкий виноград с долины р. Рейн), смородины, занимают 2 дес. Кроме того, при сельце Батове, Елизаветино тож находится движимости: десять деревянных кадок разной величины, так же скота: три лошади, коров больших 50, в том числе дойных 13, индеек 10 и кур 25; хлеба три четверти, в снопах до 15 четвертей, гречихи - две четверти, сена до 1500 пудов, соломы до 30 сажень... В нем находится безымянное озеро и производится незначительный лов рыбы. Сбыт произведений бывает на месте и в г. Опочку. Сельцо Батово, Елизаветино тож через обработку полей приносит в год дохода 200 руб. и крестьяне по уставным грамотам платят в год оброку 834 руб. 69 коп., а всего имение приносит в год дохода 1034 руб. 69 коп., почему на 10 летней сложности имение это оценено в 10346 руб. 90 коп."⁴²

Имение было куплено владельцем села Васильевское, расположенным неподалеку, Сергеем Георгиевичем Корсаковым, представителем Костромской ветви рода Корсаковых. Перед революцией 1917 года Батовым-Елизаветино владел его сын Георгий Георгиевич, опочецкий уездный предводитель дворянства, попечитель пушкинского Михайловского.

¹Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб. 1912. с.113.

²Там же.

³Там же. с.114.

⁴ГАРО (Государственный архив Рязанской области), ф.4, оп. 47, д.7, л. 4-5.

⁵Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб. 1912. с.118.

⁶Там же.

⁷ГАРО ф.4, оп.47, д.7, л.413.

⁸Там же.

⁹Работа Мальцевой Т.Ю. "Из истории сельца Воскресенского" 1971. Архив ПЗ л.7.

¹⁰ГАПО (Государственный архив Псковской области) ф.110, оп.1, ед. хр. 203, с.13.

¹¹Города России. Энциклопедия. М. 1994. с.128.

¹²ГАРО. ф.4, оп.47, д.7, л.413.

¹³Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 2. 1907. с.8.

¹⁴ГАРО. ф.98, оп.3, д.2, л.2. об.

¹⁵Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 2, 1907. с.8.

¹⁶Симакина Г. Ф. "П.А.Ганнибал - двоюродный дед А.С.Пушкина" (неизвестные моменты биографии) Михайловская пушкиниана. Вып. 1. М. 1996. с.45.

¹⁷Полюбовный раздел между ст. сов. П.А.Вульф и колл. ассесс. Я.И.Ганнибалом. РГАДА. ф.1332.. оп.4 ед. хр. 2042.

¹⁸Мальцева Т. Ю. "Земельные владения Ганнибалов на псковщине" 1970. Архив ПЗ, л.11.

¹⁹Там же.

²⁰ГАПО. ф.110, оп.1, ед. хр. 215, с.24.

²¹ГАПО. ф.110, оп.1, ед. хр. 215, л.3.

²²Мир Пушкина. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой 1828-1830 СПб. Пушкинский фонд. 1993, с.66.

²³Там же. с.113.

²⁴Там же.

²⁵**Пушкин А. С.** ПСС: в 16 т. -М.-Л., 1949.- Т.16.. С.139-140.

²⁶ГАПО. ф.110, оп.1, ед. хр. 1163, л. 3.

²⁷ГАПО. ф.110, оп. 1, ед. хр. 203, л. 14-15.

²⁸**Мальцева Т. Ю.** "Земельные владения Ганнибалов на Псковщине" 1970. Архив ПЗ. с.15.

²⁹ГАПО. ф.110. оп.1, ед. хр. 203, л.9.

³⁰Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 2. 1907. с.10.

³¹**Лавров А. Ж.** "Наука и жизнь". 3 июля 1984. с.117.

³²Мир Пушкина. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищвой 1828-1830 СПб. Пушкинский фонд. 1993, с.15.

³³РГАВМФ. Ф. 432. оп. 5. д. 3900. л. 3-3об.

³⁴РГАВМФ. Ф. 432. оп. 5. д. 956. л.1.

³⁵Там же. л. 1об.

³⁶Общий морской список. СПб., 1892. т.7, с.611.

³⁷РГАВМФ. Ф, 432. оп. 5. д. 3900. л. 2.

³⁸Там же. л. 1об.

³⁹Общий морской список. СПб., 1897. Т.XI, с.40-41.

⁴⁰ГАПО. ф.20, оп.1, ед. хр. 1159, л.140-145.

⁴¹ГАПО. ф.196, оп.1, ед. хр. 1456.

⁴²Газета "Псковские губернские ведомости" №53. 20 августа 1865 . с. 1-2 (690-691).

**“Я БЫЛ
СВИДЕТЕЛЕМ
ЗЛАТОЙ
ТВОЕЙ ВЕСНЫ...”**

(А. С. Пушкин
и Анна Вульф)

Лобанова Э. Ф.

С Анной Николаевной Вульф (1799-1857), старшей дочерью хозяйки села Тригорского Прасковьи Александровны Осиповой, Пушкин познакомился в свой первый приезд в Михайловское по окончании лицея в 1817 г. Веселым, беспечным, неистощимым на шутки поэтом были очарованы все обитательницы шумного тригорского дома. Ровесница Пушкина, мечтательная романтически настроенная Анна, воспитанная на сентиментальных романах, особенно увлеклась Пушкиным.

Я был свидетелем златой твоей весны,
Когда напрасен ум, искусства не нужны.
И самой красоте семнадцать лет замена, -

вспомнит он позже об этой поре. Но Пушкин пробыл недолго, знакомство возобновилось через 2 года, а затем - в 1824 г., когда его выслали из Одессы в Михайловское.

Двухлетнее соседство ссыльного поэта, его частые визиты в Тригорское, "маленькие интриги" (выражение первого биографа Пушкина П. В. Анненкова - Э. Л.) с его обитательницами, полные выдумки, озорства, стихотворных экспромтов, вносили радость и разнообразие в жизнь всего семейства.

П. А. Осипова впоследствии назвала эту пору дружбы с Пушкиным самым счастливым временем своей жизни, о том же самом писала и ее дочь. Несмотря на то, что отношения молодых людей складывались неров-

но и подчас слишком тяжело для Анны Вульф, Пушкин навсегда стал, можно сказать, ее звездой добра и зла.

Пушкина привлекала эта умная изящная барышня с "висками гладкими и томными очами", с круглым, к несчастью, лицом, но красивым профилем, с прехорошенькими, по отзыву поэта, ножками.

Он ценил в ней приятную собеседницу, любил пикироваться с Анной Николаевной, и хотя однажды в письме к брату заметил: "*Твои троегорские приятельницы несносные дуры кроме матери,*" - письма ее находил остроумными, а ее саму - "*слишком умной, чтобы иметь предрассудки.*"

Ей были известны строки из Пушкинского стихотворения "Андрей Шенье", исключенные цензурой и распространившиеся в рукописных списках под названием "На 14 декабря". В Пушкинском Доме РАН хранится сделанный ею список - можно предположить, при участии Пушкина.

Сохранившиеся в рукописном отделе Пушкинского Дома альбомы Анны Вульф помогают нам представить ее вкусы и интересы. На первой странице одного из них (РОПД 13927 XXVI66) запись по-французски, своего рода эпиграф: "Все перемешано в этом мире".

В альбом вписаны стихотворения Жуковского "Листок", "Дружба", "Жизнь"; "Песня" Вяземского; "Фиалка и дубы" Ф. Глинки; "Буря" и "Листочек" Межакова; стихи Вронченко. Из французских поэтов - Делиль, Лагарп ("Грусть"), Арно и Колардо. Стихи Т. Мура и Ф. Шиллера переписаны в русских переводах.

Наряду с высокой поэзией - самодеятельные сочинения подруг и родственников, их сентенции по-русски и по-французски типа: "*Никогда не довольствуются своим положением, так как думают, что существует более приятное. Аннета Пальчикова*"; "*Мы часто судим о счастье лишь по внешним признакам*" и т. д. и т. п.

Рисунков в альбоме совсем мало, и они традиционны по сюжету: на л. 83 - северный пейзаж, л. 93 - амур, л. 39 - амур с лирой на книге (ср. в "Евгении Онегине": "*сельски виды, надгробный камень, храм Киприды, или на лире голубка...*") Лишь на л. 17 - тщательно перерисованный портрет Дидро.

Образчик французской альбомной поэзии - стихи без подписи и без автора:

Tout passe avec le temps,
Le temps passe de meme.
L'eternite n'a point de fin -
Mon amitie sera de meme.

[пер: "Со временем все проходит,
И время проходит само,
Лишь вечность одна бесконечна-
Подобна ей дружба моя. "]

Альбом датирован В. Э. Вацуро 1829 годом, очевидно, по записи на обложке: "1829. Malinniki le 26 aout. Tout est melange dans ce monde. "

Возможно, однако, что запись эта не связана с началом заполнения альбома, а является поздней самооценкой владелицы в результате его перелистывания: "*все перемешано в этом мире*" отвечает и содержанию альбома, немного без стержня, пестрому.

"*Уныние новейшей поэзии*", как определил Пушкин современный ему романтизм, привлекало Анну Вульф. По моде того времени, да и по складу характера тяготела она к меланхолическим, философски наполненным стихам, к романтическим и сентиментальным историям в жизни и в искусстве.

Тщательно переписывала она письма Наполеона к Жозефине Богарне: вначале наспех, карандашом и малоразборчиво. Затем - набело, аккуратным почерком, чернилами, быть может, собираясь подарить кому-то из приятельниц. Оба списка - в Пушкинском Доме (31862 ССХХХ 619).

Более интересным и ценным является другой альбом А. Н. Вульф (РО ПД ф. 244 оп. 1 № 211). Открывается он своеобразным эпиграфом: первую запись в нем сделала ее мать П. А. Осипова. Это стихи Пушкина 1817 года, обращенные к хозяйке тригорского дома и вписанные некогда Пушкиным в ее альбом (не сохранился): "*Простите, верные дубравы...*". Теперь П. А. Осипова начинает ими альбом дочери. Запись оказалась символической: в альбоме есть и автографы Пушкина. На память Анне Николаевне им вписано четыре строчки из "Романса" Дельвига:

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву сердце отдает.

А также стихи из "Евгения Онегина": "*Простите сени...*" и начало "*Увы, напрасно деве гордой*", на чем альбом и обрывается, получив, таким образом, пушкинское обрамление.

В альбоме этом есть записи Льва Пушкина и Ф. Туманского, стихи Е. Ростопчиной, И. Козлова, Н. Языкова, Байрона, Мура, Беранже, Ламартина, монолог Гамлета по-французски. Видимо, к какой-то лич-

ной дате Лев Пушкин написал Анне Вульф по-французски следующие стихи (к сожалению, они не датированы):

Пускай судьба твоих цветущих лет
С твоей красой сравнится так же полно
Блистающей, как и небесный свет
Июльского безоблачного полдня.¹

Поэта не привлекала серьезность чувства Анны Николаевны, ее откровенное обожание: *"Не выношу неразделенных обожаний."* Брату под настроение он пишет: *"Евпраксия дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь, надоела."*

Разные характеры обеих сестер переданы в пушкинских посланиях к ним, которые были написаны в 1825 г. почти одновременно: *"Если жизнь тебя обманет..."* (Евпраксии Вульф) и *"Примите "Невский альманах"* (Анне Вульф).

3 февраля - именины Анны (в переводе с др. -еврейского Анна означает "благодать"). Январем-февралем 1825 года и датируются стихи Пушкина: "Я был свидетелем златой твоей весны" и "Хотя стишки на именины", посвященные Анне Вульф:

Хотя стишки на именины
Натали, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть,
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и им и вам служить.
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили благодатью.
Нет, нет, по мнению моему
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать)
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

И второе, звучащее осторожным предостережением 26-летней барышне:

Я был свидетелем златой твоей весны,
Когда напрасен ум, искусства не нужны
И самой красоте семнадцать лет замена,
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе.
И тише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало смелей грозит и упрекает.

Что делать ...утешься и смиришь,
От милых прежних прав заране откажись
Ищи других побед - успехи пред тобою,
Я счастья тебе желаю всей душою,
..... а опытов моих,
Мой дидактический, благоразумный стих.

Но у Анны Николаевны еще будет немало поклонников. Это, прежде всего, барон Дельвиг, приехавший погостить к Пушкину в Михайловское в апреле 1825 года. Даже его, добродушного, всегда несколько флегматичного, захватила непринужденная обстановка тригорского дома и веселье молодежи. Особенно благосклонно он отнесся к Анне. Ей посвятил он следующее стихотворение:

В судьбу я верю с малых лет;
Ее внушениям покорный,
Не выбрал я стези придворной,
Не полюбил я эполет
(Наряда юности задорной),
Но увлечен был мыслью вздорной,
Мне объявившей: ты поэт.
Всегда в пути моем тяжело
Судьба мне спутницей была,
Она мне душу отвела
В приюте дружества веселом,
Где вас узнал я, где ясней
Моя душа заговорила
И блеск гименовых свечей
Пророчественно полюбила.
Так, при уходе зимних дней,
Как солнце взглянет взором вешним,
Еще до зелени полей
Весны певича в крае здешнем
Пленяет песнею своей.

При встрече в Петербурге Дельвиг вписал эти стихи в альбом Анне Николаевне с датой 20 января 1826 года.

Как гласит семейное предание Осиповых, Пушкин, посмеиваясь над Анной, окрестил ее после отъезда барона Дельвига "*Мадемуазель баронесса*", и эта кличка надолго удержалась за Анной Николаевной. "*Посмотрите, Анета как покраснела. И она влюблена!*" Однако, Дельвиг не сделал ей предложения, а вернувшись в Петербург вскоре женился ("*Вот как подействовало на него Тригорское*" - шутил Александр Сергеевич).

Многочисленные кузены, уланы, (в письмах упоминаются имена Анрепа, Кусовникова, Плаутина), окружавшие Анну Николаевну во

время выездов в имение Вульфов Тверской губернии с. Малинники, могли бы сделать ее жизнь легкой и приятной. Но слишком чистой и цельной натурой она была, чтобы размениваться на пестрые, мимолетные чувства. Предложения, которые она имела, лишь тешили самолюбие, она пыталась ими вызвать ревность Пушкина, но тщетно. И, несмотря на увещевания строгой матери, желавшей устроить прежде всего судьбу старшей дочери и всячески ограждавшей ее от увлечения Пушкиным, Анна Николаевна была тверда и не хотела устраивать свою судьбу с кем-то другим. *"Сестра не умеет себя вести и вряд ли когда-либо, таким образом, найдет порядочного мужа,"* - пишет о ней брат ее Алексей Николаевич Вульф.

При таком отношении матери Анна становилась день ото дня все замкнутее, она не могла поделиться ни с кем из домашних: *"Она в семье своей родной казалась девочкой чужой"*. *"Анна и Евпраксия составляют два противоположных типа, отражение которых в Татьяне и Ольге "Онегина" не подлежит сомнению, хотя последние уже не носят на себе по действию творческой силы ни малейшего признака портретов с натуры, а возведены в общие типы русских женщин той эпохи"*, - писал первый биограф Пушкина П. В. Анненков (Пушкин в Александровскую эпоху, СПб. 1874, с. 279)

Летом 1825 года Анна Николаевна с нетерпением ожидала приезда своей кузины Анны Полторацкой, в замужестве Керн, с которой она с детских лет в большой дружбе.

Но всколыхнувшаяся в душе Пушкина страсть, его стихи, его ухаживания, обращенные к сестре, лишь надрывали бедное сердце Анны Николаевны. 19 июля Анна Керн уехала вместе с тетушкой и кузиной Анной и Евпраксией в Ригу. Пушкин писал вслед Анне Николаевне письма, пытаясь через нее снискать внимание и расположение ее сестры: *"Скажите ей, что если в сердце ее нет скрытой нежности ко мне, таинственного и меланхолического влечения, то я презираю ее, - слышите? - да, презираю, несмотря на все удивление, которое должно вызвать в ней столь непривычное для нее чувство"*. Каково было читать эти письма влюбленной Аннете, каково было узнавать от Анны Петровны, что после взволнованных признаний Анне Керн Пушкин иронически замечает: *"Знаете ли вы, что перечтя эти строки, я стыжусь их сентиментального тона - что скажет Анна Николаевна?"* Но она слишком самозабвенно любит, чтобы оскорбиться подобным тоном. Старалась исполнить комиссии Пушкина: при отъезде в Ригу он просил ее о последнем издании Байрона - и даже позволила прислать эти книги Анне Керн: *"Байрон помирил*

тебя с Пушкиным. Он сегодня же посылает тебе деньги - 125 рублей, его стоимость," - напишет она потом кузине из Тригорского в Петербург (приписка Анны Вульф в письме Пушкина к А. Керн от 8 дек. 1825 г.).

Возможно, портрет Дж. Г. Байрона (сейчас экспонируется в михайловском кабинете Пушкина), подаренный поэтом в 1828 году Аннете Вульф, - награда за ее великодушие, воспоминание о долгих беседах об общем кумире в Тригорском, о той обедне, которую они оба заказали в годовщину смерти Байрона 7 апреля 1825 года в "обеих церквах Тригорского и Воронича". Так чередовались в ее отношениях с Пушкиным размолвки и примирения, надежда и отчаяние. Он то называет себя ее прозаическим обожателем и несколько свысока дает советы:

1) Ради бога, будьте легкомысленны только с вашими друзьями (мужеского рода), они воспользуются этим лишь для себя, между тем как подруги станут вредить вам, ибо - крепко запомните это - все они столь же ветрены и болтливы, как вы сами.

2) Носите короткие платья, потому что у вас хорошенькие ножки, и не взбивайте волосы на височках, хотя бы это и было модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо..."

То любезно дарит ей на именины первый печатный сборник своих "Стихотворений" с оттиском перстня - талисмана и надпись: "...дорогой имениннице Анне Николаевне Вульф от всенижайшего ее доброжелателя. А. Пушкин. В село Воронич 3 февраля 1826 г. из сельца Зуева". То пишет холодные и пренебрежительные стихи "Увы, напрасно деве гордой". А 9 февраля 1826 года провожает ее, отъезжавшую вместе с матерью в Малинники, до Пскова и нежно прощается: "С Анной Николаевной помирились окончательно," - сообщал он брату.

В смятенной душе бедной девушки кипела буря. "Вы разрываете и раните сердце, которому не знаете цены; как я была бы счастлива, если бы была так холодна, как вы предполагаете", - писала она ему в Михайловское из Малинников в марте 1826 года. С трепетом распечатывала она присланные ей Пушкиным в Малинники книги "Воспоминаний о Наполеоне" графа Ласказа - вышедший в Париже многотомник.

"Не знаю, проклинать ли мне или благословлять провидение за то, что оно послало вас на моем пути в Тригорское...", - пишет она поэту.

Но самые искренние письма написаны Анной Николаевной, когда она будучи в Петербурге узнала о вызове Пушкина в Москву к Нико-

лаю I, об окончании ссылки, и поняла, следовательно, что тригорский дом, полный жизни, смеха и стихов Пушкина, теперь возвратит ей лишь мучительные воспоминания: *"Творец небесный, что же с вами будет? Ах, если бы я могла спасти вас ценою собственной жизни, с какою радостью я бы пожертвовала ею ради вас и вместо всякой награды я попросила бы у неба лишь возможность увидеть вас на мгновенье, прежде чем умереть ..."*

На этот раз вы не скажете, что это письмо остроумно, в нем нет здравого смысла и все же посылаю вам его таким, каково оно есть. "

"Какая пустота и какая мука! Все будет напоминать мне о вас."

Через пять дней, 16 сентября:

"Я так мало эгоистична, что радуюсь вашему освобождению и горячо поздравляю вас с ним, хотя вздыхаю, когда пишу это, и в глубине души дала бы многое, чтобы вы были еще в Михайловском... Прощайте, мои радости, миновавшие и неповторимые. Никогда в жизни никто не заставит меня испытывать такие волнения и ощущения, которые я чувствовала возле вас..."

Как тут не вспомнить героиню пушкинского романа: *"Татьяна любит без искусства, послушная влеченью чувства..."* Но уж таков закон человеческих отношений, что лишь препятствия в любви ее увеличивают и оживляют:

О люди! Все похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу.
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай.

По письмам Анны Николаевны ясно, что существовали и письма поэта к ней, это были порой искренние и заботливые послания, не было в них лишь той трепетности, которая одна может быть отрадой любящей душе. Обо всем этом мы можем только догадываться, так как пушкинские письма этого периода - после окончания ссылки - не сохранились. Можно предположить, что их уничтожила сама Анна Николаевна, обращавшаяся к поэту с той же просьбой относительно своих писем. Однако он этого не сделал.

После ссылки встречи их стали мимолетными, от случая к случаю - в Петербурге, где Анна Вульф бывала почти каждую зиму, в Тригорском, когда поэт приезжал в «пустынные дубравы» Михайловского.

Осенью 1835 г., прощаясь с Тригорским, Пушкин оставляет на память в альбоме Анны Николаевны стихи из «Онегина»:

...Простите, сени,
Где дни мои текли в глуши,
Исполнены страстей и лени,
И снов задумчивой души...

Ниже - запись начальных строк стихотворения английского поэта Кольриджа "Жалоба": *"Как редко, друг, человек достойный"*, оставленная Пушкиным без продолжения, которое полагалось известным Анне Николаевне, либо тема эта обыгрывалась в их разговоре: *"Как редко, друг, великий и достойный человек получает в награду почести и богатство, несмотря на все свои достоинства и труды"*.

Сохранился черновик пушкинского перевода первой части стихотворения: *"Как редко плату получает достойный честный человек..."* Вторая часть этого стихотворения "Ответ друга" Пушкиным не переводилась. Ответом друга, вероятно, прозвучали слова Анны Вульф в той неведомой нам беседе осенним днем 2 октября 1835 г.

Более понятным становится тогдашнее настроение Пушкина: *"Господи, как у вас- то здесь хорошо..."*, - и его признание в момент работы над 4-й главой "Евгения Онегина" в ссылке: *"В такой альбом, мои друзья, признаться рад писать и я ..."*

В семье за Анной Николаевной была репутация человека тактичного и доброго. *"Насмешливая, остроумная и добросердечная"*, - так отзывалась о ней сестра Пушкина О. С. Павлищева. Когда в Тригорское дошли слухи о ревности Натальи Николаевны Пушкиной к Е. Вревской, то не мать баронессы Вревской, как можно было бы ожидать, а именно Анна Николаевна деликатно объясняла юной супруге Пушкина, что прошлое "оставляет следов не более чем сон".

В 30-40-е годы жизнь самой Анны Николаевны превратилась в томительный, печальный сон. Она все чаще и все с большим отчаяньем повторяет: *"Жизнь действительно глупая шутка"*.

Замуж она так и не вышла: *"Сестра пишет ко мне, но она очень печальна. И как не быть такою, живучи без выезда в Тригорском девушке в 30 лет? Бедный мой друг, когда-то увижу тебя под брачным венком? Засветит ли кто тебе факел Гименея?"* - читаем мы в дневнике Алексея Николаевича Вульфа 9 декабря 1830 г.

"Аннет целует тебя и искренно любит, но она ненавидит Тригорское и это часто делает ее весьма рассеянной - добрая свадьба не была бы для нее лишней," - деликатно замечает в письме к жене С. Л. Пушкин.

Частой гостьей была она и в Голубове - имении за 20 верст от Тригорского, где с 1831 года, выйдя замуж за барона Б. А. Вревского, жила ее младшая сестра Евпраксия Николаевна. Домашний уют, приветливое, ровное отношение Бориса Александровича, окруженная детьми Евпраксия, ее отзывчивость и участие как-то отвлекали Анну Николаевну. Так, она пишет сестре из Петербурга: *"Что заставляет жалеть о Тригорском - возможность каждую неделю приехать обнять вас, мой ангел, и облегчить тяжесть моего сердца около вас"*.

Но все это помогало лишь ненадолго. Тоска не оставляла Анну Николаевну, однообразие томило *"Право, нечего часто писать..."* *"Я боюсь, право, что с ума сойду"*, - подобные фразы повторяются в ее письмах.

М. И. Осипова - ее младшая сестра по второму браку Прасковьи Александровны - пишет о ней: *"Сестра сидит все в Тригорском и не смотря на все прелести природы, на песни соловьев, которыми она окружена, она не знает, что делать с тоски. Завидует мне, воображая, что я счастливее ее. Ей бы не худо следовать моему примеру: вставать, как я, в 5 часов, потом ходить и сажать цветы, пока усталость отобьет все мысли. Мне кажется, она еще толще стала... Анна Николаевна читает, все читает, каждую неделю приезжает сюда (в Голубово) на один день, потом вздыхает и даже плачет со скуки."* (ПВС, вып. 19-20).

Она постоянно ездит: из Тригорского в Петербург, из Петербурга в Малинники, но везде одинаково скучает. Очень верно объясняет состояние ее следующее замечание в дневнике брата: *"Жалобы ее на жизнь, которую она ведет, справедливы, положение девушки ее лет точно неприятно: существование ее ей кажется бесполезным, - она права. К несчастью, девушки у нас так воспитаны, что если они не выйдут замуж, то они не знают, что из себя делать. Тягостно мыслящему существу прозябать бесполезно, без цели."*

Красноречиво передается настроение А. Н. Вульф в то время ее письмами 1833-1848 гг. В 1913 г. М. Л. Гофман, совершивший поездку по псковским пушкинским местам, получил от владельца вревского архива П. А. Вревского в числе других интересных материалов и 31 письмо Анны Вульф, адресованные матери ее П. А. Осиповой и сестре Е. Н. Вревской.

В 1915 году письма были опубликованы в подлиннике - на французском языке в сборнике «Пушкин и его современники» (вып. 21-22,

СПБ, 1915). Они не переводились, с тех пор не переиздавались и почти забыты. Мы предлагаем выдержки из писем в нашем переводе.

Письма эти свидетельствуют о неизменном, хотя и несколько потухшем интересе Анны Вульф к судьбе Пушкина, личной и литературной. Однако именно в последние эти годы жизни Пушкина она его, по сути дела, не понимала ни в личном плане, ни как поэта, и очень часто шла в своих суждениях на поводу у света, тон ее писем порою напоминал тон светских сплетен.

Приехав в Петербург зимой 1836 года, она сообщала сестре 12 февраля: "Я не была еще у Натальи Николаевны и не видела Пушкина, с тех пор как он был вместе с Борисом (Вревским - Э. Л.). Он очень счастлив, что государь позволил ему печатать его журнал («Современник» - Э. Л.), приехав сюда, он уверял, что в деревне много скучнее и что поэтому он вернулся раньше. Ольга (О. С. Павлицева - Э. Л.) утверждает, что он очень настойчиво ухаживает за своей свояченицей Александриной, а жена его стала очень кокетливой..."

Навещала Анна Николаевна и родителей поэта, с которыми всегда была дружна. Надежда Осиповна в это время уже была прикована к постели. В своем письме от 9 марта того же года Анна Вульф пишет: "...Ольга уже совсем не такая хохотушка, как была прежде. Я нахожу, что она стала гораздо лучше, это нежная мать и нежная дочь; она никуда не выезжает и не покидает свою мать. Натали, напротив, более светская, чем обычно, а муж ее с каждым днем все более эгоист и все более скучен. Дети их так меня полюбили и зацаловали, что я уже не знаю, как от них избавиться..."

29 марта 1836 года Надежда Осиповна скончалась. Пушкин привез ее хоронить в Святогорском монастыре. Некоторое время он жил в Михайловском, навещал Е. Н. Вревскую в Голубове, бывал у Прасковьи Александровны Осиповой в Тригорском.

6 мая 1836 года Анна писала матери: "Я не видела Александра Пушкина после его возвращения из Михайловского, так как он сразу же уехал в Москву. Как вы находите его журнал? Здесь он не имеет большого успеха... А жена его уже на будущие барыши наняла дачу на Каменном острове еще вдвое дороже прошлогоднего..."

После смерти Н. О. Пушкиной, которая была владелицей Михайловского, встал вопрос о разделе имения. Пушкину всегда хотелось иметь себе пристанище для души именно в этих краях. Еще в 1831 г. писал он П. А. Осиповой о своем желании приобрести соседнее с Михайловским Савкино, чтобы "несколько месяцев в году проводить подле добрых и старых друзей".

Вопрос о судьбе Михайловского осложнился вмешательством шурина поэта Н. И. Павлищева, который, прожив лето 1836 года в Михайловском и сделав в хозяйстве кое-какие экономические перемены, решил добиться его приобретения. Отзвук этих событий мы находим в двух письмах Анны Вульф к сестре:

"Не приедет ли этой осенью Пушкин в Михайловское, он действительно пытается еще разбудить свою музу? Я здесь меньше о нем слышу, чем в Тригорском даже; об жене его гораздо больше говорят еще, чем о нем: время от времени я слышу неизменно, как кто-нибудь удивляется ее красоте. Как вы находите «Современник»? Маман пишет о нем очень довольная, но там так мало можно прочесть пушкинского, что просто срам." (10 октября 1836 г.)

И письмо от 24 октября того же года: "То, что мне сказали о Павлищеве, меня очень удивляет: какая дерзость, но он не имеет никакого права на Михайловское. По закону нам, сестрам, только 14-я часть, а какое же он право имеет на все Михайловское, и в конце концов, я предпочитаю лучше иметь соседом Александра, чем его..."

В конце 1836 года нарастают трагические ноты в жизни Пушкина: ложное положение жены и его самого при дворе, непонимание друзей, материальные затруднения ...А петербургская молва не щадит, извращая и преувеличивая события.

Влияние этой молвы мы чувствуем в письмах Анны Николаевны, написанных сестре накануне трагедии Пушкина: "...городская новость, которая вас заинтересует, это то, что м-ль Гончарова (Екатерина Николаевна - Э. Л.), фрейлина, выходит замуж за знаменитого Дантеса, о котором Ольга, наверное, вам говорила, и о том, как великолепно устроилась свадьба."

"...Пушкиных я не видела, потому что они переехали теперь на другую квартиру, и я никак не могу узнать, где они живут теперь. Про свадьбу Гончаровой так много рассказывают и так много, что я думаю, лучше тебе это рассказывать при свидании. Между прочим, рассказывают, будто Пушкин получил по городской почте диплом с золотыми рогами, подписанный самыми примечательными особами высшего света, которые ему пишут, что они горды иметь человека так же знаменитого в их братстве и что они спешат послать ему сей диплом как члену их общества и что они с радостью его принимают в свое общество и что по этой причине устроилось замужество м-ль Гончаровой. О других версиях я умалчиваю, чтобы рассказать их вам, когда мы увидимся. На этот раз вы не можете упрекнуть меня в лаконизме...Я не могу сообщить вам никаких новостей о Павлищевых. Думаю, что только Алекс.

(Пушкин) мог бы что-нибудь рассказать, но я его не видела. Вскоре как я узнала, где он живет, я писала ему, чтобы он приехал меня навестить; думаю, что жена его ревновать не будет..."

Так прошел 1836 год. Миновал 1837-й. Сколько горя и сожалений оставил он в сердцах тригорских знакомых поэта! Уехала из Петербурга потрясенная Евпраксия Николаевна, заболела, узнав эту весть, и не могла поехать на похороны в Святые Горы П. А. Осипова. Как отозвалась смерть Пушкина в душе Анны Николаевны, пронесшей любовь к нему через всю жизнь, мы не знаем. Но вот два письма, написанные ею уж спустя несколько лет.

14 декабря 1843 г., Петербург.

"Я видела Наталию Николаевну Пушкину, которая тоже очень изменилась, так что я удивилась, как она похудела, пожелтела и подурнела. А Александра Николаевна - та похорошела. Я говорила про фортепьяны, и Александра Николаевна мне сказала, что она их уступит за 300 руб.

Кажется, я тебе говорила, что была раз в опере "Севильский цирюльник", и все думала об тебе и жалела, что не могу тебе или Борису уступить свое место. Не знаю, попаду ли еще раз, потому что ужасно трудно достать место даже в галерее.

...Сергей Львович редко у нас бывает, а все сидит у Катеньки Керн, которая говорит, что он ей предлагает свою руку - что скажет Лев (брат А. С. Пушкина), ежели он на ней женится..."

Из Малинников:

"Я нашла Алексея (брат А. Н. Вульф - Э. Л.) возвратившимся с охоты и за чаем. Удовольствие видеть его пронизано печалью, которая охватила меня, как только я вступила в эти места - столько воспоминаний или скорее сожалений меня охватило: что людей, которых я здесь оставила, я не найду уже. И Пушкина я так живо вспоминаю и рефрен его: хоть малиной не корми, да в Малинники возьми, и всю молодость, и нашу тогдашнюю жизнь. Всегда печально возвращаться в родные места спустя некоторое время. Всегда столько людей, которых не найдешь уже больше в кругу и это почти всегда люди, которых любишь, которых недостает, и потом находишь совсем другое поколение, которому вы совершенно чужды и которое не имеет ничего общего с вами - и которому вы совершенно чужды..."

Это последнее письмо, писанное сестре спустя 10 лет после гибели Пушкина, овеяно такой грустью, что вызывает невольное сострадание к неудавшейся судьбе женщины, которая так искренне и нежно любила Пушкина.

Анна Вульф скончалась в 1857 году и похоронена на сельском кладбище в Бернове. Место захоронения неизвестно.

Известно несколько изображений Анны Вульф. Ее силуэт из Тригорского сейчас находится во Всероссийском музее Пушкина. В Тригорском экспонируется копия.

Миниатюрный портрет Анны Вульф работы Э. Мартэна атрибутирован в Московском музее А. С. Пушкина, где и экспонируется.

Кроме того, искусствовед А. Эфрос и Л. Керцелли атрибутировали в рисунках Пушкина 4 портрета Анны Вульф.

Основная литература

1. **Вацура В. Э.** Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750-1840) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год, - Л.: Наука. 1977
2. **Вревская Н. П.** Тригорские друзья Пушкина. 1959. М[пись в научной б-ке ПЗ.
3. **Вульф Анна.** Письма и записочки ее к Вревским 1833-48 гг., Архив Вревских в Пушкинском Доме РАН, 2767XI, с. 62
4. **Вульф Анна** - Н. Н. Пушкиной, РО РАН ф. 244 оп. 20 №63.
5. **Вульф Анна** - Альбом ее, 1820-е г. РО РАН 13927 LXXVI 66.
6. **Вульф Анна.** Альбом в сафьяновом переплете с автографом А. С. Пушкина, РО РАН ф. 244 оп. 1 №211.
7. **Вульф Анна.** Переписанные ею "Ирландские мелодии" Мура и др. стихи, РО РАН ф. 244 оп. 1 №211
8. **Вульф А. Н.,** "Дневники", М., "Федерация", 1929.
9. **Гофман М. Л.** Из Пушкинских мест // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. - Петроград, 1914. Вып. XIX-XX.
10. **Керцелли Л.,** Тверской край в рисунках Пушкина, М., "Московский рабочий", 1976.
11. **Письма Анны Вульф** - П. А. Осиповой, РО РАН ф. 244 оп. 17 №55.
12. **Письма Анны Николаевны Вульф** к баронессе Е. Н. Вревской и П. А. Осиповой // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. - Петроград. 1915
13. **Старк В. П.** Несколько пояснений к стихотворению Пушкина "Н. Н. (Примите "Невский альманах")", Временник Пушкинской Комиссии, 1978, л., Изд. "Наука", 1981.
14. **Эфрос А. М.** Пушкин-портретист. Два этюда, М., Гослитмузей, 1946, с. 141, 149.
15. **Эфрос А. М.** "Рисунки поэта", Academia, 1933 г., с. 414-418.

НОВЫЙ АВТОГРАФ П. А. ОСИПОВОЙ

Левкова Л. В.

Библиотека села Тригорского до наших дней сохранилась неполностью. Но даже те немногие книги, которые мы имеем возможность исследовать, позволяют представить духовный мир их хозяев - семейства Осиповых-Вульф, благодаря пометам, которые сохранились на некоторых из книг.

Возьмем, к примеру, книгу на французском языке, изданную во Франции в 1773 году. Она называется "Дух". Ее автор английский писатель и государственный деятель Джозеф Аддисон родился в 1672 году. Пятнадцати лет он поступил в Оксфордский университет, где прославился латинскими стихами и переводами из Вергилия. В 1709 году он был избран в парламент и в том же году назначен секретарем вице-короля Ирландии. Своей известностью Аддисон обязан главным образом статьям, печатавшимся в английских журналах. Эти эссе представляют собой картину нравов современного ему общества, недостатки которого он высмеивал. Благородство его характера признавалось всеми соперничающими политическими партиями тогдашней Англии. Умер он в 1719 году.

О книге Аддисона в описании Б. Л. Модзалевского читаем: "С надписью: Прасковья В. "В книге есть несколько отметок П. А. Осиповой".

Эти отметки имеются на многих страницах. На полях одной из них, вероятно, рукою Прасковьи Александровны Осиповой несколько слов по-французски. Надпись почти стерлась. Но два слова "думала" и "часто" позво-

ляют судить о том, что слова Аддисона рядом с этой записью заставили читательницу задуматься. Вот они: “Очень странно наблюдать благородных господ, у которых нет других занятий, как проводить двенадцать часов кряду вокруг стола, сдавая карты, произнося лишь слова из игрального жаргона ... Не посмеетесь ли вы, если услышите от человека подобного занятия, что жизнь коротка?”

Внимание Прасковьи Александровны к этим строкам Аддисона понятно, если учесть, что она сама была партнером Пушкина по игре в вист. Также известно ее отношение к долгам сына, которые тот делал вследствие этой пагубной страсти.

Содержание других отметок прокомментировать непросто. Можно лишь предположить, каково отношение хозяйки Тригорского к той или иной мысли автора. Например: “Существует... род добродетели, проявляя которую можно заполнить пустоту, куда мы часто попадаем. В такие моменты мы предаемся своим мыслям и никто не может их прервать. Я говорю о таком роде наших мыслей, которые являются живой связью с Богом”.

Возможно, что и Прасковья Александровна “думала о добродетели столько же, сколько об опасности быть праздною”, так как она отмечает и эти строки. И дальше: “Но если бы мы заглянули в будущее, то увидели бы, что упражнение в добродетели не ограничивается человеческой жизнью, но влияет на мир потусторонний. В этом мы убеждаемся настолько, насколько употребляем в жизни свою добродетель”. Джозеф Аддисон считает, что “Бог открывает нам себя” не только в проявлениях человеческой добродетели, “но и в удовольствиях, которые не имеют другой характеристики кроме невинности, где нет зла”.

К этим “невинным удовольствиям” Аддисон относит “часы отдыха, лучшие из которых - это часы общения с другом ... Эта утешительная связь душ освещает ум, совершенствует его, рождает новые мысли, расширяет запас наших знаний”.

Несомненно, что такие “часы отдыха” читательница этой книги проводила и с Пушкиным.

Вот те рассуждения Д. Аддисона, которые нашли отклик в душе П. А. Осиповой. Все они из главы с выразительным названием: “Измеряйте желания скоротечностью жизни”.

ЛЕТОПИСЬ ТРИГОРСКОГО БЕЗ ЛЕГЕНД

по рукописям
священнослужителей
и обитателей
усадьбы из новых
архивных находок

Новиков Н. С.

Тригорское, одно из любимых мест паломников заповедника, Пушкин восславил такими возвышенными строками: “Приют, сияньем муз одетый”. Современники поэта, друзья, родственники, обитатели этой усадьбы оставили свои воспоминания о той поре. Биографы Пушкина, исследователи его творчества называют Тригорское “домом Лариных”, отмечая, что здесь жили прототипы романа “Евгений Онегин”. Бесценный труд об этой мемориальной усадьбе написал наш замечательный земляк Михаил Иванович Семевский. Его очерки “Прогулка в Тригорское”, опубликованные в 1866 году, используются во всех изданиях о Пушкиногорье и зачастую без ссылок на автора. А ведь Семевский еще 130 лет назад стал первым паломником Тригорского, и экскурсоводами были хозяева усадьбы, друзья Пушкина. Можно считать, что Семевский оставил первую “фотографию” этих мест: “Я весь превратился в слух, внимая рассказам Алексея Николаевича (Вульфа) и смотрел на дивную очаровательную картину ... Три обрывистые горы... покрытые кустами и зеленью, там и здесь бегут вверх извилистые тропинки. На самом верху двух гор возвышаются две церкви...”

М. И. Семевский как историк, краевед, писатель, издатель журнала “Русская старина” достоверно записал все, что увидел и услышал, и “в качестве правдивого летописца” отметил, что некоторые устные рассказы, записанные им, могут быть недостоверными, так как может случиться, что его собеседникам “память изменила ... и некоторые, без сомнения, мелкие подробности и кой-какие хронологические данные могли у них спутаться”. Действительно, мемуары, при всей их значимости, не всегда точны и объективны, да и пишутся они с пристрастием, обычно, когда герой повествований становится знаменитым. В этом убеждает другой источник информации, не претендующий на читателя и славу - рукописные документы архива.

Летопись Тригорского без легенд по долгу службы вели священнослужители Георгиевской церкви, в которой была приписана эта усадьба. Существенно дополняли эту летопись рукописные документы самих обитателей усадьбы, составленные по разным случаям и причинам, по жизненной необходимости. Самое раннее упоминание о Георгиевской церкви и этом крае в документах Великолукского филиала Госархива Псковской области относится к 1738 году. В “Исповедных росписях” священник Евфим Филипов пишет, что он обязуется: “о прихожанах всякого чина мужских и женских от престарелых до младенцев верные показания давать”. Из этого и других документов псковской духовной консистории выясняется, что Георгиевская церковь стояла здесь с древних времен, а в числе ее прихожан были дворцовые крестьяне “вотчины Ее Императорского величества”, а также крепостные его высокографского сиятельства Разумовского, его превосходительства генерал-майора Ганнибала, князей Юсуповых, помещиков Наперстковых ... Деревни с землей и крестьянами также принадлежали: Псковской Георгиевской церкви со взвозу, Псковскому Троицкому собору, Псковскому архиерейскому дому, Псковскому Снятогорскому и местному Святогорскому монастырям ... Одно время Георгиевская церковь была двух- и даже трехкомпактной, т. е. в ней располагались несколько приходов и штат-клир увеличился до трех священников и стольких же дьяконов и пономарей. Известно, что в 1660 годы служил “поп Кирила Лаврентьев”, его сменили другие священники: Евфим, Иаков, Симеон, Ульян, Савва, Юлиан, Федор, Петр ... С годами менялись названия деревень, и некоторые из них стали именоваться селом или селом - это означало, что здесь появилась господская усадьба.

В 1762 году земли, принадлежащие царскому двору, были дарованы Екатериной II генерал-майору Максиму Дмитриевичу Вындом-

скому за труды и службу, “которые он отправлял верно и ревностно”. Как записано в Указе Сената, пожалованы были “деревни прозываемые Егорьевской губою”. В ранних “Исповедных росписях” сохранились их названия: Попова гора, Быкова гора, Ершова гора, Сиченова гора и просто Горие ... Вероятно, все эти древние названия имели свою предысторию.

По рукописным документам архива можно составить летопись помещичьих владений. С 1764 года в “Исповедных росписях” священнослужители писали так: “вотчины господина Максима Дмитриева Вындомского Егорьевской губы ...” Перечислялись все деревни с указанием имен, отчества крепостных крестьян, их родственных связей, возраста. В 1767 году священник Евфим Филипов записывает: “Его превосходительства господина генерал-майора и кавалера Максима Дмитриева Вындомского села Егорьевского” - и далее идет перечень дворовых людей. Это весьма важное свидетельство, с этого года появилась господская усадьба - будущее Тригорское. Но сам хозяин здесь еще “прописан” не был. Первыми в списке дворовых указаны: “вдова Федосья Федорова - 40 лет и ее дети - Дарья - 16 лет, Матфей - 7 лет; Родион Евдокимов - 41 год” с женой Федосьей, детьми Параскевой, Андреем. Обычно первыми их дворовых священнослужители записывали по чину: приказчиков, нарядчиков, распорядителей, стряпчих - поверенных от хозяина, в основном из числа крепостных. Важно отметить, что в этот год дворовых людей в селе Егорьевском значилось всего 11 душ с детьми, а следовательно господский дом был невелик и на усадьбе какие-то работы по благоустройству не производились. Все последующие годы в селе Егорьевском хозяин усадьбы Максим Дмитриевич Вындомский по исповедным росписям в числе проживающих не значился и, вероятно, приезжал сюда на какое-то время, чтобы дать распоряжения. В числе владельцев Егорьевской губы указывалась его жена, помещица, генеральша Екатерина Федоровна Вындомская, но опять же на усадьбе она постоянно не проживала. В 1773 году священник Евфим Филипов, дьячок Иоанн, пономарь Матфей удостоверяют своими подписями появление нового хозяина: “помещика господина прапорщика Семеновского полку Александра Максимова Вындомского села Егорьевского”. Но сам молодой хозяин здесь не живет, так как находится на военной службе. Однако священнослужители в дальнейшем хорошо уведомлены о его повышениях и указывают это в “Исповедных ...” А на усадьбе проживает дворовых еще меньше - всего пять душ и в числе главных уже Родион Евдокимов. В 1781 году священник Юлиан Лукин записывает название села не уп-

рощенное Егорьевское, а Георгиевское. О хозяине владений запись такая: “вотчина помещика господина полковника Вындомского”. Такое звание он получил в отставке, но сам здесь еще не проживал. Где же находился Александр Максимович? По свидетельству внука А. Н. Вульфа, “имея большое состояние, долго жил он в большом свете, но, наконец, удалился и жил в своей деревне в Псковской губернии . . .” К жизни в деревне полковник в отставке готовился и заранее начал обустраивать усадьбу. В этом убеждает возрастающее количество дворовых людей.

В 1792 году новый священник Федор Яковлев делает важную для подлинной истории этого мемориального села запись: “Села Тригорского полковник Александр Максимов Вындомский - 43 года, вдов, дети его: Елизавета - 14 лет, Параскева - 13, Григорий - 7 лет” - и все были у исповеди, т. е. жили на усадьбе постоянно. Число дворовых людей, в основном молодых, за последний год увеличилось, и управляющие не крепостные, а наемные служители, специалисты. Правоммерно считать, что в это время велось капитальное благоустройство усадьбы: создавались парк, пруды, сад, хозяйственные постройки. В 1795 году семья Вындомских уменьшилась - умер наследник рода Вындомских Григорий. Кстати, о нем в биографической литературе нет упоминаний. Еще через год с вдовым отцом, сорокасемилетним Александром Максимовичем останется семнадцатилетняя Параскева - будущая благодетельница великого русского поэта. Старшая дочь Елизавета вышла замуж за соседа, Якова Исааковича Ганнибала. Так род Вындомских породнился с родом Пушкиных, хотя и отдаленно. Теперь можно сделать определенный вывод, что название села Тригорское появилось с того времени, когда А. М. Вындомский стал здесь постоянным жителем. И это переименование, вероятно, произошло по воле самого хозяина, так как его владения расширялись и располагались уже на территории трех гор. Хозяин усадьбы старался увеличить свои доходы не только за счет ведения сельского хозяйства, но и другими путями. Известно, что он построил на усадьбе полотняную фабрику, помещение которой позже было переделано под барский дом. В биографической литературе отмечается, что “какие-то общие дела связывали А. М. Вындомского с Иосифом Ганнибалом”. Тайну этих отношений открывают весьма объемные судебные дела, хранящиеся в Великолукском архиве. Владелец Тригорского поддерживал своими свидетельскими показаниями, увы неправую, как показывают документы, тяжбу деда Пушкина с его второй женой Устиньей Толстой. В свою очередь Иосиф Абрамович Ганнибал давал свидетельские показания,

по просьбе соседа, в загадочном деле “выпущения на волю крепостной девки Анны Матвеевой”, которой Вындомский дозволил “в замужество выйти без всякой опасности”.

Общие хозяйственные “проекты” связывали Вындомского с Петром Абрамовичем Ганнибалом. В архиве хранится любопытное документальное свидетельство о том, как хозяин Петровского просит владельца Тригорского: “При торге и поставке в казну вина . . . из завода вашего состоящего при селе вашем Егорьевском . . . позволю Вам поставить за себя . . .” По каким-то причинам Ганнибал сам не хотел официально участвовать в таком торге. В “верящем”, как оно названо, письме Петр Абрамович указывает, что в поставках вина и “впредь оспорять и прекословить не буду.” Подпись в духе того времени, но несколько заискивающая: “с почтением навсегда пребываю Ваш милостивый государь покорный слуга генерал майор Петр Аврамов сын Ганнибал октябрь 13 дня 1794 года”. Этот документ написан его рукой. Примечательно, что в письме Тригорское он называет по старому - Егорьевское. И еще важная информация, подтверждающая, что на усадьбе кроме полотняной фабрики был винный завод, довольно производительный, если мог выполнять винные поставки за соседей. Вындомский, действуя по пословице: “доверяй, но проверяй”, оформил эти винные сделки официально и затребовал от Ганнибала справки на то, что его имение находится не под залогом. Однако, все хлопоты по оформлению казенных бумаг он препоручил соседу званием пониже и победнее - поручику Ивану Парфеновичу Наперсткову.

У хозяина Тригорского в этот период были и другие хлопоты. В Георгиевской церкви проводился капитальный ремонт на средства собранные прихожанами, которые хранились у Вындомского. Священник Федор Яковлев написал жалобу, что церковный капитал, вопреки уставу, хранится в доме помещика. Завязалась тяжба, в которой участвовали псковская консистория и уездный суд. Хозяину Тригорского пришлось оправдываться: “Под моим попечением собрана сумма 905 р. 1 к. и я должен исправить многие надобности”. Этот конфликт закончился миром между священником и барином на благо церкви.

В 1798 году в Тригорском остались только двое Вындомских - хозяин имения и его дочь в возрасте невесты. Вероятно, в округе не нашлось достойного жениха и отец решил вывести Параскеву в столицу. Однако и там выбрать высокосветского жениха не удалось, и Параскева из рода потомственных дворян, благодетельственного вниманием царского двора, вышла замуж за отставного коллежского асессора Николая Ивановича Вульфа, который был старше ее на четырнад-

цать лет. В биографической литературе о нем практически нет сведений, и заполнить белые пятна помогли документы великолукского архива. В “Исповедных росписях” за 1803 год священник Федор Яковлев перечисляет жителей Тригорского, бывших у исповеди: “Полковник Александр Максимов - вдов, 52 года, зять его коллежский асессор Николай Иванов - 36 лет, жена его Параскева Александровна - 22 года, дочь их Анна 4 года. ” И далее дворовые люди более ста душ - в основном молодые, вероятно, работники фабрик и винзавода. В следующем году в молодой семье рождается мальчик - Николай. В литературе о нем нет упоминаний, так как он прожил всего три года. К этому времени родился еще мальчик - Алексей (известный друг Пушкина Алексей Николаевич Вульф - прототип Ленского, как он сам утверждал), за ним еще сын - Михаил. Все эти годы в документах ни разу не упоминается фамилия мужа Параскевы Александровны. Первое время его называли коллежским асессором, потом капитаном, а позже просто зятем Вындомского. Священнослужители знали, что Николай Иванович официально был всего лишь примак - по словарю Даля “зять”, принятый в дом тестя, приязненный... влазень...” Действительно, положение примака в чужом доме, помещичьем или крестьянском, было незавидное и бесправное, и не случайно до сих пор бытует поговорка: “примацкие хлеба собацкие. ” А что же за человек был муж Параскевы Александровны? В дневнике А. Н. Вульфа такие строки об отце: “Потеряв его очень рано я мало об нем помню, но сколько слышал, все знавшие его любили в нем человека с редкою добротою сердца и с той любезностью в обращении, которая привлекала всех к нему... любя своих детей он был добрым супругом... имел образование, общее нашему высокому дворянству ... ”

В документах архива нет сведений о каких-либо конфликтах между хозяином усадьбы и зятем, но, по “Исповедным росписям”, Николай Иванович с женой и тремя детьми не проживали в Тригорском около четырех лет. В 1814 году, после смерти мужа, Параскева Александровна с детьми вернулась в родовое гнездо, о чем свидетельствует запись: “вдова коллежская асессорша Параскева Вульфо́ва - 33 года, дети: Анна -14, Алексей - 8, Михаил - 6, Евпраксия - 4, Аверкий - 2 года. ” Впервые ее записали по фамилии покойного мужа, а детей всех отчеству - Николаевы. Последние двое, видимо, родились в тверском имении Вульфов. Возвращение в Тригорское было связано с тем, что Александр Максимович Вындомский умер. В метрической книге за 1813 год записано: “Села Тригорского полковник Александр Максимов умер 28 генваря натуральною болезнью с покаянием - 63 лет.

Требу совершали означенной Георгиевской церкви священник Корнылий Иванов, диакон находился в болезни, дьячок Андрей Егоров, пономарь Федор Филипов. ”

Дата на надгробной плите (месяц, число), которая в настоящее время находится на кладбище в Ворониче, не соответствует этому подлинному документу. Вероятно установлена она была в более позднее время. С нее неверно указывается дата смерти и в биографической литературе.

В дневнике А. Н. Вульфа указывается дата, когда Параскева Александровна снова вышла замуж: “В 1817 году мать вступила во второй брак с Иваном Сафоновичем Осиповым, - что было причиной переезду нашему в Петербург, где меня в следующем году отдали в горный корпус. Итак, на 13 году я сделал первый шаг за порог родительского дома.”

Вскоре вся семья вернулась в Тригорское, и в “Исповедных росписях” указывается новое “звание” хозяйки: “коллежская советница Параскева Александровна жена Осипова. ” Записаны все ее дети, кроме Алексея, который переехал учиться в Дерпт.

От брака со вторым мужем родились дети: Мария, Параскева, здесь же жила падчерица Александра и у всех отчество - Ивановы. Однако, в “Исповедных росписях” ни разу не указывался их отец, Иван Сафонович Осипов. Может быть он остался в столице или жил в каком другом месте? В литературе нет сведений, где он родился, известно только, что происходил из служилых дворян, а повышений по службе в Санкт-Петербургском почтамте он добился многолетним добросовестным трудом. Первая жена его умерла рано, и единственную дочь Александру пришлось растить и воспитывать отцу. В новой семье падчерица не была обижена и входила в круг “муз” - ей, Александре, “Алине”, Пушкин посвятил стихи. В первый год ссылки поэта ей исполнилось девятнадцать лет и в последующие годы она до замужества не выезжала из Тригорского. Но где же находился ее отец? Разгадка нашлась неожиданно в малоизученных краеведами документах Опочецкого духовного правления. Священник Георгиевской церкви Корнылий Иванович Воронецкий написал в консисторию “доношение на вдову Параскеву Вульфову, что она живет ныне со статским советником Иваном Осиповым вместе, а венчаны ли они где неизвестно”. Ответ архиепископа Псковского, Лифляндского и Курляндского Высокопреосвященнейшего Евгения был таков: “Прихожанку Вульф с статским советником Иваном Осиповым писать в духовных росписях супругами”. Резолюция весьма загадочная и странная, особенно для владыки Евгения - многие документы подписанные им отличались ло-

гичностью, мудростью, иногда тонким юмором. Этот архиепископ (в миру Болховитинов) стал известным в России просветителем: ученым, историком, краеведом, литератором... Непонятно, почему он прямо не ответил на вопрос священника, который добросовестно исполнял свой долг - заботился о нравственности прихожан.

Еще одна загадка: в краеведческой литературе о Тригорском указывается, что Иван Сафонович Осипов “жил только на жалованье, земли и крепостных не имел”. Однако, в “Клировых ведомостях” в списках землевладельцев Опочецкого и Новоржевского уездов за 1819 год встретилась такая запись: “помещика Ивана Сафоновича Осипова деревни Блажи, Креневка, Смыки, Ульяши”, а в них общее количество дворов - 13, а крепостных - мужчин и женщин с детьми - 110 душ. По этим сведениям выходило, что Осипов - земляк и даже сосед потомственным дворянам из Тригорского? Что бы проверить эту версию пришлось просматривать записи об этих деревнях за разные годы, и оказалось, что они всегда принадлежали Выдомским: деду, отцу, а потом и самой Параскеве Александровне. Выходит, что такой щедрый подарок хозяйка Тригорского “преподнесла” супругу или в качестве приданного, или для престижа в обществе. И все-таки Иван Сафонович официально оставался на положении “примака”. Вероятно, это сословное неравенство не сказывалось на отношениях супругов, о чем свидетельствует запись в дневнике А. Н. Вульфа: “Почти всегда вторые браки, особенно когда есть взрослые дети, делают много шума в семействах: родственникам первого мужа всегда второй не нравится. И у нас без этого не обошлось. В последствии мы никак не могли упрекать мать в ее выборе, напротив мы должны его оправдать, а Ивану Сафоновичу должны быть благодарны уже и за то, что он сделал мать счастливою, несмотря на неудовольствие всех родственников, с нами же был лучше родного отца”.

И снова загадка - на кладбище Георгиевской церкви, на надгробной плите надписи: “Здесь похоронены: Прасковья Александровна Осипова родилась 28 сентября 1781 г. умерла 8 апреля 1859 г. Иван Сафонович Осипов умер 5 февраля 1824 г. ”

В “Метрических книгах” пригорода Воронич Георгиевской церкви за 1824 год в числе умерших Ивана Сафоновича нет, также как в соседних - Воскресенской и Пятницкой (при Святогорском монастыре) церквях. Где же и когда он скончался и лежит ли его прах под этой плитой?

С этой поры священнослужители в своих документах записывали так: “Статская советница Параскева Александровна Осипова, вдова.” И

далее ее дети в таком порядке: Анна Николаева, Александра Иванова, Михаил, Евпраксия, Аверкий - Николаевы, Мария и Параскева - Ивановы.

Число дворовых в Тригорском вскоре начало сокращаться - в 1827 году было всего 37 мужчин, женщин и детей.

Несколько поколений почитателей Пушкина, паломников, туристов имеют представление о Тригорском, как о владениях Осиповых-Вульфов. В многотиражных изданиях - путеводителях, буклетах, альбомах, книгах повторяется: "Тригорское - родовое имение Осиповых-Вульф", "дом Осиповых-Вульф", "семья Осиповых-Вульф", "хозяйка имения П. А. Осипова-Вульф". Но ведь это родовое, потомственное имение Вындомских и такой двойной фамилии, написанной через черточку - дефис, в этом году в подлинных документах никогда не было. Первый муж был Вульф, значит эта фамилия должна стоять первой, а после второго замужества первая фамилия исключается, так же как и девичья, если о сохранении их нет особой просьбы. В отличие от авторов современных изданий, официальные летописцы Тригорского - священнослужители именовали Параскеву (так по святцам) Александровну весьма определенно: после смерти первого мужа - "вдова Вульфо́ва", а затем - "вдова Осипова". Двойной фамилии через черточку нет также и в деловых документах, в письмах соседей и родственников. И, наверное, несправедливо, что Вындомские, основатели этого родового гнезда, люди весьма достойные, остались "в тени" и упоминаются мимоходом.

На праздновании 75-летия Пушкинского музея-заповедника мне посчастливилось познакомиться с одним из потомков первого мужа хозяйки Тригорского - профессором Дмитрием Алексеевичем Вульфом. В присутствии других гостей - известных пушкинистов - он сказал, что в краеведческой литературе двойная фамилия хозяйки Тригорского пишется необоснованно. Так авторитетный ученый, вице-президент международного Пушкинского фонда, подтвердил выводы, сделанные по разысканиям в архиве. А документы обязывают писать достоверно: "Тригорское, родовое имение Вындомских, а Параскева Александровна, урожденная Вындомская, по первому браку Вульф, по второму Осипова."

В Великолукском архиве удалось обнаружить несколько документов, написанных Параскевой Александровной, в которых также нет двойной фамилии, но главная их ценность в новой информации о хозяйке Тригорского. Представляет интерес "прошение", в котором помещица проявляет заботу о своих крепостных крестьянах. Когда свя-

щенник соседнего Печанского погоста устроил весной 1827 года перевоз на плоту через Великую на берег к деревне Позолотино, Параскева Александровна обратилась в консисторию с просьбой снять перевоз, “так как от проезжающих портятся луга, и мои крестьяне от этого несут убытки.” В другой раз она просит архиерея перевести ее крестьян из прихода Воскресенской церкви и приход Георгиевской церкви для того, чтобы “в воскресные и праздничные дни крестьяне, отклоняющиеся от хождения в церковь, находились под моим личным надзором, к чему побуждает христианская обязанность”. А обосновывает хозяйка Тригорского такой переход тем, что священнослужители Георгиевской церкви “исполняют свои обязанности неупустительно, тогда как в Воскресенской, по слабости священника Илариона Раевского, иногда более месяца не бывает службы”. Однако, за отца Илариона из “пушкинской” церкви, которого поэт в письмах называл “мой поп... Шкода”, заступились помещики: Василий Криницын, Михаил Травин, Никанор Шелгунов; купец Василий Дементьев; мещанин Семен Слесарев ... Поставили свои подписи и 24 грамотных крестьянина. В этом коллективном письме есть такие слова: “За 26 лет священнического сана Иларион Раевский ни в каких дурных поступках не замечен”. Не комментируя правоту заступников, следует сказать, что история жизни отца Илариона, написанная им самим, его сослуживцами и начальниками, достойна сюжетного, приключенческого романа, так же, как его сына, служившего в Георгиевской церкви, и его дочери, прожившей более века. Ее могила - на кладбище д. Воронич, рядом с Тригорским. Обычно паломников удивляет фамилия - Скоропостижная, столь не соответствующая возрасту долгожительницы - 102 года. Выяснилось, что муж Акулины Иларионовны Алексей Скоропостижный служил диаконом в Георгиевской церкви и в этой семье было много потомков, наследники которых сумели перебраться в Петербург и занимали высокие, не церковные, должности. Впрочем, это отдельная обширная тема.

А дело о переманивании прихожан Параскева Александровна проиграла, но, как и при других неудачах и конфликтных ситуациях, не мстила - убедительный пример тому милостивое отношение к священнику Георгиевской церкви Корнилию Ивановичу Воронцову, написавшему донос на барыню о незаконном сожителе с Иваном Осиповым. А ведь и сам батюшка был не безгрешен. По разным записям, в учебе не преуспел, семинарской грамоты не одолел. Службу начал пономарем в церкви на усадьбе родителей полководца Кутузова. В это время бывал здесь и будущий герой Отечественной войны Михаил Ил-

ларионович. Из этого именитого места Корнылий был переведен в Пятницкую церковь при Святогорском монастыре, где долго не задержался. Зато в Георгиевской церкви под покровительством добрых хозяев Тригорского Вындомских он поставил своеобразный рекорд по длительности службы в одном приходе - с 1804 по 1836 год. Как записано в "Метрической книге", скончался он от горячки. В характеристике Корнылия Ивановича записано: "Штрафован за неисправное ведение денежных отчетов, за слушание перед благочинным, состоял под следствием за повенчание чужеприходского брака" (ситуация, похожая на сюжет пушкинской "Метели"). Но самое главное - о. Корнылий составил рукопись, которая представляет особую ценность: Книга Георгиевской церкви о церковном имуществе, написанная 14 ноября 1827 года. Это не только опись, но своеобразная "фотография" храма, причем в цвете, каким видел его Пушкин во время Михайловской ссылки. Сегодня, когда в Пушкинском заповеднике, а конкретно в Тригорском, проводятся реставрационные работы, уточняется облик исторических строений, обновляется экспозиция - этот документ - наглядное пособие для возрождения храма-реликвии.

Из летописцев Тригорского не все священнослужители оставили такой добрый след. На место о. Корнылия назначили Симеона Ладинского, который сразу начал вести тяжбу со своими сослуживцами, непрерывно писал жалобы в духовное правление и консисторию, вымаливая разные благодати. По его просьбе о. Симеона перевели в другой приход, но жалобы не прекращались, а писала их в основном ... жена священника - Дарья. В ответ Псковский Владыка наложил такую резолюцию: "Мужу просительницы оказано все возможное снисхождение, но ни он ни она нетерпимы ... Я непрестанно слышу от людей благородных жалобы на злой характер ее."

Следующий настоятель Георгиевской церкви Андрей Григорьевич Великотный прослужил здесь усердно и мирно более двадцати лет. Шли годы, священнослужители менялись и продолжали летопись своего прихода, не пропуская никаких событий - ни плохих, ни хороших.

Обычно Тригорское в литературе представляется с романтической стороны, как "приют, сияньем муз одетый", "дом Лариных", а между тем судьба многих его обитателей сложилась неблагополучно, печально и даже горестно. Главный обустроитель усадьбы А. М. Вындомский более двадцати лет жил вдовцом, а единственный сын его - Григорий, наследник и продолжатель рода и фамилии, умер в младенчестве. Старшая дочь Елизавета вышла замуж против воли отца - брак оказался неудачным, она рано умерла, оставив двух малолетних де-

тей. Любимица его, Параскева Александровна, дважды выходила замуж, но почти полвека прожила вдовой. Все эти годы она вынуждена была управлять имением и воспитывать детей. Алексей Николаевич Вульф справедливо оценил этот жизненный подвиг матери: “Две обязанности, из которых каждая почти выше сил женщины.”

И судьба детей двух браков незавидная. Старшая дочь Анна, черты характера которой напоминают образ Татьяны Лариной, была действительно самая романтическая, мечтательная, добрая, что подтверждает документы архива. Как и героиня романа, Анна помогала бедным, была крестной матерью, поручительницей при венчании у крепостных, сочувствовала и проявляла о них заботу. Однако ее личная жизнь не удалась. Пушкин в “Евгении Онегине” выдал Татьяну замуж за генерала, а Анна Николаевна до смерти в записках именовалась “девицей” - весьма незавидное положение женщины в обществе в отличие от мужчины холостяка. Следующий за ней брат Николай, названный в честь отца, скончался в младенчестве. Братья Михаил и Аверкий (Валериан) умерли в самом расцвете жизни. Кстати, в этой семье почти все имели двойные имена: Анна-Анета, Александра-Алина, Евпраксия-Ефросинья-Зина-Зизи, Аверкиц-Валериан, Параскева-Екатерина... Вероятно, имена, данные священнослужителями по святым, не всегда устраивали их носителей. Самую младшую дочь - Параскеву, названную в честь матери, позже переименовали в Екатерину. Не сложилась жизнь у падчерицы Александра (Анны). Мария - до поздней кончины также оставалась “девицей”, Екатерина - вдовой. И получилось так, что около ста лет хозяйками “владельческих наделов имения села Тригорского” были вдовы и одинокие женщины. О таком участии обитателей Тригорского, кроме Епраксии, которая вышла замуж за барона Бориса Александровича Вревского, молодого человека весьма достойного и состоятельного, написал в своем дневнике А. Н. Вульф: “В первый раз счастье, кажется, улыбается нашему дому”. Своей долей Алексей Николаевич был недоволен, как в военной службе: “когда храброго и труса совершенно одинаково ценят: одного не награждают, и другого не наказывают”, так и в хозяйственных делах, после выхода в отставку: “всегдашнее безденежье и опасения, что за неплату казенных долгов и податей ожидают всегда опека и взятие в опеку имения”.

Очень важно отметить, что несмотря на все испытания несколько поколений обитателей Тригорского вели себя достойно, как в отношениях друг с другом, так и с соседями. В документах архива не довелось встречать их судебные и гражданские тяжбы, в отличие от мно-

гих скандальных дел рода Ганнибалов, которые пришлось разбирать даже царским особам.

Летописцы Георгиевской церкви прилежно исполняя свою обязанность, - невольно писали, как пушкинский Пимен, "земли родной минувшую судьбу". В конце XIX века священник Николай Николаевич Спеканский оставил такую запись: "Часовня в приходе однокаменная, в селе Воскресенском (там, где ранее жил с многочисленной семьей Исаак Абрамович Ганнибал) построена в 1889 году церковным старостой крестьянином Иаковым Крестинным с братьями по случаю спасения всей царской семьи во время крушения поезда 17 октября 1888 года". Информация весьма поучительная для размышления о прошлом и настоящем. В документах архива приводится много фактов о том, как крестьяне за свои деньги строили и ремонтировали храмы, золотили иконостас. А после октябрьского переворота именем крестьян, всего народа, уничтожались не только святые храмы, но и бесценные памятники, реликвии, связанные с гениальным Пушкиным и другими великими сынами России.

К сожалению вновь реставрированные памятники не всегда соответствуют своему месту и информации о них. В Ворониче на воротах кладбища висит табличка с надписью: "Церковь Георгия Победоносца была сооружена в конце 18 века иждивением владельца Тригорского помещиком А. М. Вындомским - отцом П. А. Осиповой, на месте некогда бывшего храма, построенного в 15 веке. Церковь сгорела от удара молнии в 1913 году". В книге С. С. Гейченко "Приют, сияньем муз одетый" указан 1915 год. Даты и текст не согласуются с подлинными документами Великолукского архива. В "Клировых ведомостях" за многие годы указывается точное название церкви: "Опочецкого уезда пригорода Воронич церковь во имя Святого Великомученика Георгия". Названа и конкретная дата: "построена в 1764 году... о времени есть указание на кресте простого дерева, который хранится в церкви. " В этот период построить церковь Александр Вындомский не мог по малолетству, да и села Тригорского тогда еще не было, а только деревни Егорьевской губы. Вызывает сомнение и то, что церковь сгорела от удара молнии в 1913 году. В "Клировых ведомостях" за 1914 год о пожаре не упоминается и вновь подтверждается указанная дата ее построения и состояние на тот период: "деревянная на каменном фундаменте с колокольнею в одной связи и покрыта новым железом в 1909 году".

О том, что Георгиевская церковь не сгорела в 1913 и в 1915 годах подтверждает запись в журнале заседаний Псковской духовной консистории за 1917 год: "Прошение прихожан Георгиевской церкви Во-

ронич об определении к их церкви на штатное священническое место прежнего свящ. (ныне заштатного Александра Невежина).” В ответе из консистории указано: “провести правильные выборы на вакантное место священника под председательством местного благочинного”.

Вероятне всего храм сгорел не от удара молнии, а после октябрьского переворота, когда в Святых горах уничтожались церкви и усадьбы. В тексте таблички, что на воротах кладбища бывшей Георгиевской церкви, видимо, не случайно произошла замена Великомученик на слово Победоносец, которое больше подходило атеистической идеологии, когда слова - милосердие, сострадание, жалостливость, столь свойственные россиянам, были под запретом. А основатели этого храма в давние века, вероятно, больше преклонялись перед страданиями Святого Георгия, который принял мученическую смерть от язычников - был колесован. Его гробница, орудия пытки находятся в Георгиевском монастыре в Израиле.

Владельцы Тригорского не только хранили для потомков родовое гнездо, освященное именем Пушкина, но и берегли свой приходской храм, заботились о его содержании. Георгиевская церковь не имела своей отмежеванной земли и церковнослужители “пользовались пашней, сенокосом, угодьями по милости господ”. В архиве хранится дело о пожертвовании в пользу Георгиевской церкви земли из своих дач помещицы П. А. Осиповой”. И летописцы-батюшки не забывали своих благодетелей после их кончины. В “Клировых ведомостях” за 1914 год священник Александр Петрович Невежин записал, что дома у священнослужителей “построены тщением умершей помещицы Осиповой 1830 году.” О самом священнике в этом же документе такая характеристика: “Поведения отличного, преподает закон Божий в земской школе”. За этого священника престарелого, но уважаемого и хлопотали в 1917 году прихожане, чтобы его вернули снова в церковь. Отец Александр оставил интересную для краеведов запись: “Церковь находится от почтовой дороги в одной версте, от станции, где получается корреспонденция, в 5-ти верстах, близлежащая станция называется Святогорской. Храм находится на крутой горе, окружен с одной стороны лугами и рекою, с другой - полями ...

В этом приходе, перед октябрьским переворотом, проживали: дворяне в трех усадьбах - 5 мужского пола, 8 женского; мещане в 12 дворах - 37 мужского, 34 - женского; крестьяне в 448 дворах - 1575 мужского и 1614 - женского пола.

С той поры минуло более 80 лет. В Тригорском проводится реставрация дома-усадьбы, реконструкция парка, обновляется экспози-

ция. Такие же работы начались в Михайловском. При этом охраняется все лучшее, созданное талантом, страстью собирателя и хранителя Семена Степановича Гейченко, его помощниками, сотрудниками заповедника. Процесс обновления не просто конфликтный, но давно назревший, и к нему обязывает время, поиски правды. Как сказал директор Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина “Михайловское” Георгий Николаевич Василевич: “Необходимо новое осмысление прошлого, настоящего и будущего этой заповедной земли. ”

Поиски продолжаются, более углубленные исследования рукописей помогут заполнить неизвестные страницы в истории не только Тригорского, но и Святогорского монастыря, Михайловского, Петровского, Савкина и внести поправки, уточнения, дополнения. Правдивая информация поможет читателям Пушкина приблизиться к истокам его гениального творчества.

Для подготовки материала использованы документы Великолукского филиала Государственного архива Псковской области (ГАПО): “Исповедные росписи” Опочецкого и Новоржевского уездов с 1738 по 1914 г., фонд 39, оп. 1; “Метрические книги” этих же уездов ф. 39, оп. 1; “Клировые ведомости” этих же уездов ф. 39, оп. 1; “Дела” Опочецкого духовного правления, ф. 369, оп. 1; ф. 369, оп. 2; “Наряды указов” Псковской духовной консистории ф. 39, оп. 1.

Е. Н. ВРЕВСКАЯ
и Б. А. ВРЕВСКИЙ
В ГОЛУБОВО

отрывок из дневника

Вревская Наталия Павловна

Работая над архивом, изучая факты биографии Н. Вревской, невольно приходишь к выводу, о том что звезда А. С. Пушкина мгновенно и ярко сверкнув по небосводу жизни не только озарила, но обожгла многих, кто был рядом, в т. ч. и Евпраксию Николаевну. Ее долгая счастливая жизнь в кругу многочисленного семейства, мужа Б. А. Вревского не исключала ностальгических воспоминаний о Тригорском, о юности, о любимом когда-то Поэте.

Общеизвестны факты биографии “Зизи” - Е. Н. Вревской тригорского периода времени встреч, дружбы, влюбленностей, пламенно-романтических дней в окружении А. С. Пушкин, Н. М. Языкова, А. А. Дельвига и других замечательных людей.

Но не менее интересным представляется период жизни Евпраксии, обычно “выносимый за скобки”, т. е. брак с Б. А. Вревским, жизнь в Голубово, рождение детей, длинная-предлинная жизнь после гибели Поэта, безвременной кончины А. А. Дельвига, ухода Н. М. Языкова многих других... жизнь, полная воспоминаний и ностальгических мечтаний в имении Вревских. Е. Н. Вульф (12.10.1809 - 22.03.1883 г.). Детство и юность ее прошли в д. Берново Тверской губернии и с. Тригорском Псковской губернии. Домашнее образование под руководством гувернанток и матери сводилось к изучению языков, истории, географии, рисования, музыки и танцев и со-

ответствовало требованиям того времени для девушки - дворянки из вполне обеспеченной семьи.

Лицо Евпраксии - вульфовское. Живые темные глаза, привлекательная веселая выражение, кокетливая улыбка, средний рост, слегка полновата, красивые маленькие руки, несколько чувственный рот. Оживленная, подвижная, вольно - шаловливая она нравилась родным и знакомым. Дни проходили в занятиях, чтении, рукоделии, прогулках и незатейливых развлечениях. Такою она запомнилась Пушкину, когда в 1824 году он был сослан в Михайловское и почти постоянно гостил в Тригорском у Вульф. Этот удивительно вдохновенный период (не только для "Зизи", но и для самого Пушкина) неоднократно исследован и описан. Но это - тема другого рассказа.

Итак, проходят 1827, 28, 29 и 30 годы. Постепенно "Зизи" превращается в "Ефрозину" и Евпраксию Николаевну. Мать П. А. Осипова-Вульф отправляет ее зимой к Тверской родне - Вульфам. Там она беспечно и весело танцевала на балах в Старице и Твери, считая "что стараться нравиться есть условие веселой жизни". Но никто не затронул ее сердца...

Она все о чем-то тосковала, о ком-то мечтала, чувствовала какое-то неудовлетворенное жизнью.

И вдруг, в январе 1831 г. в Острове (или Пскове) Евпраксия встречает статного, с большими темными глазами и приятной наружностью барона Бориса Александровича Вревского. К удивлению окружающих, этот блестящий светский человек обратил внимание на хорошенькую провинциалку: скромную, веселую и живую. Знакомство, начавшееся в январе пошло быстрым темпом. Сестра Евпраксии Анна пишет об этом Алексею Вульф, тот откровенничает в письме к ней: "С нетерпением жду известий о дальнейших успехах и победах Евпраксии и желаю, чтобы они были столь же важны, как и сам барон, дай Бог ему смелости". Сама же Евпраксия (в письме от 3. 5. 1831 г.) пишет: "Неделю назад я не думала и даже не желала быть счастливой в этом мире, а теперь отказаться от моего счастья было бы сверх сил."

Помолвка произошла в конце апреля, а в начале июля 1831 г. состоялась свадьба. Молодые поселились в имении Голубово. Началась их мирная и счастливая жизнь, продолжавшаяся до преклонного возраста на зависть и удивление окружающим.

"...Впервые имя Бориса Александровича Вревского (1805 - 17. 12. 1888 г.) встречается в списках учеников пансиона для благородных детей при Петербургском университете. Вместе с ним учились Лев Пушкин, Г. П. Вульф, М. И. Глинка, Верховский, Литвинов. Брат

Вревского Михаил Сердобин - несколько раньше, а Степан и Павел Вревские - позже.

Борис Александрович был выпущен в 1882 г. с 12-м классом и принят по его прошению подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк (7 апр. 1883 г.). Но военная служба не привлекала его, и уже в 1887 г., достигнув 22 лет, он решает выйти в отставку и подает прошение на Высочайшее имя. Получив разрешение Борис Александрович покинул Петербург и поселился в Псковской губернии, Островском уезде, близ погоста Врево в выстроенном им собственном имении Голубово в 1,5 верстах от с. Александрова. Деревенская жизнь пришлась ему по вкусу. Полная независимость при достаточном обеспечении позволили предаваться отвлеченным занятием.

Серьезное чтение книг и газет (библиотека в Голубово содержала свыше 3 тысяч томов). Чтение было основной пищей. Борис Александрович родился и вырос в Париже, первоначальное обучение получил в школе иезуитов - лучшей в то время. Там его приучили к выдержке и самообладанию, послушанию к труду и добросовестному отношению к делу. Не задаваясь честолюбивыми мечтами, он тихо и скромно жил в деревне, изредка выезжая по делам в Остров, Псков, Тверь, Санкт-Петербург. Он был бессменным предводителем дворянства, благодаря честности и принципиальности, пользовался всеобщим уважением. Разум его доминировал над чувствами. Добрый, воспитанный, мягкий, он вызывал любовь и уважение. Отношения с крестьянами были хорошими: ни одной тяжбы, ни одного наказания. Управляющие и старосты вели его дела. Так прошли 4 года его одинокой жизни в деревне, вне столицы. И вдруг зимой 1831 года он встречается Евпраксию, дочь П. А. Осиповой-Вульф, владелицы Тригорского, дружившей с Пушкиным. Быстрая помолвка, а затем и свадьба навсегда определили их судьбу. Любовь и уважение стали основой их жизни.

В одном из писем к отцу поэта С. Л. Пушкину Б. А. Вревский в 1837 г. напишет: "Я не могу желать большего счастья здесь, на земле, чем то, которым я наслаждаюсь теперь и не переставал наслаждаться с момента женитьбы. Ежедневно я благодарю небо в глубине моего сердца и молю о единственной вещи на свете - это сохранить и сделать также счастливыми моих родных и немногих истинных друзей, которыми я обладаю."

Зимой 1831-32 гг. супруги едут в Тверскую губернию познакомиться с родственниками Евпраксии Николаевны, где в Старицком уезде в с. Берново жила многочисленная семья отца Николая Ивановича Вульфа. Б. А. Вревский "обворожил всех своей воспитанностью

и приятностью в обращении...” Его теща, что “души в нем не чает”, частенько гостит у них; “вообще сношения между Голубовым и Тригорским, несмотря на 18 верст, постоянны”.

Сестра Евпраксии - Анна, живя в Петербурге, мечтает пожить с ними. Брат Алексей Вульф, заядлый холостяк и эгоист, как-то смягчается душой, появляясь в Голубово: он искренне любит Евпраксию и ее детей. Братья Бориса Александровича всегда помнят его, пишут ему бывают в Голубове, завидуют их независимой сельской жизни.

Жили молодые скромно. Евпраксия Николаевна быстро освоилась с положением замужней женщины и хозяйки. Летом она вставала в 5 часов утра. День ее наполнен заботами: огород, теплицы, скотный двор, сад, заготовки на зиму, заказ обеда, ужина, ткацкая - все в ее руках. Хозяйство - натуральное, все делалось на месте, иногда снаряжался обоз в Петербург, где цены были выше голубовских. Евпраксия Николаевна выучилась считать и тратить деньги, в отличие от Бориса Александровича, который не вникал в дела, не умел создать “оборотный капитал” и вечно пребывал в денежном затруднении: большая семья, “открытый дом” поглощали все доходы с земли, приходилось влезать в долги. Советчиком, надеждой, опорой был для Евпраксии Николаевны ее брат А. Н. Вульф, часто выручавший ее материально в, казалось, безвыходном положении.

Зимой Евпраксия Николаевна ездит в Санкт-Петербург, обычно одна и надолго для лечения от постоянных недомоганий. Письма ее к мужу первых лет замужества овеваны грустью разлуки - она до наивности откровенна и мила: - “Мой дорогой ангел”, “Я пользуюсь успехом”, “Р. нашла меня очень хорошенькой”. В Санкт-Петербурге Евпраксия Николаевна останавливается в гостинице “Москва” на Большой Морской вместе с братом Ал. Ник., а иногда у Степана Александровича Вревского (брата мужа своего) или у Н. О. и С. Л. Пушкиных - родителей поэта.

В течение первых лет замужества ежегодные роды расшатали ее нервную систему, и она впадает в хандру: черные мысли одолевают ее. Доктора советуют переменить обстановку. Борис Александрович закладывает имение и везет Евпраксию Николаевну в Санкт-Петербург на всю зиму. Дети остаются в Голубово, а сам Борис Александрович живет то тут, то там.

Тяжело переживая гибель Пушкина, Борис Александрович Вревский старается утешить отца поэта Сергея Львовича: “Дорогой и уважаемый Сергей Львович, я все время был в деловых поездках в Острове и Пскове и не мог раньше ответить на Ваше любезное и трогатель-

ное письмо от 27 января 37 года. Это меня огорчает тем более, что Ваше здоровье меня беспокоит. Вы жаловались на него и почти в тот же момент Вы получили роковую весть, которую вся Россия оплакивает с Вами. Ужасно даже подумать об этом: надо много храбрости и силы душевной, чтобы перенести подобное несчастье. Да поможет Вам небо!.. 26 февраля 1837 г. “

Всякий человек умирает единожды. Поэт умирает в каждом любящем его сердце заново. И мы никогда не узнаем сколько раз умирал Пушкин в сердце Евпраксии.

Может, поэтому в свой альбом она запишет стихотворение поэта Дебор Вальмор “Надежда”:

Я хотела бы любить иначе
Увы! Я хотела бы быть
счастливой...

Публикация В. Ф. Рожнова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гейченко Семен Степанович

(1903 - 1993), директор Пушкинского
заповедника с 1945 года.

С 1989 по 1993 - главный хранитель-консультант.

Давыдов Анатолий Иванович

зав. музеем-усадьбой «Тригорское»
с 1989 по 1995 гг.

Агальцова Валентина Александровна

начальник парколесоустроительной
экспедиции «Центрлеспроект»,
кандидат сельскохозяйственных наук.

Бирюков Юрий Борисович

археолог, институт «Спецпроектреставрация»,
г. Псков.

Будылин Иосиф Теодорович

зав. музеем-усадьбой «Тригорское»,
кандидат педагогических наук.

Бурченкова Римма Валентиновна

ученый секретарь.

Васильев Михаил Ефимович

зав. историко-краеведческим отделом:

Никифоров Виктор Григорьевич

зав. сектором изучения русской усадьбы.

Лобанова Элеонора Федоровна

зав. научно-методическим отделом.

Левкова Лариса Васильевна

старший научный сотрудник
экспозиционно-выставочного отдела.

Новиков Николай Степанович

писатель, исследователь,
член Союза журналистов России
(г. Великие Луки).

Вревская Наталия Павловна

1877-1961, жена внука Евпраксии Вревской
(Вульф) М. С. Вревского,
известного химика (1871-1929)

